

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политическая Наука 2 *2017*

POLITICAL SCIENCE (RU)

**ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА
И ПОЛИТИКА ЯЗЫКА**

**Москва
2017**

Журнал «Политическая наука»

Коллектив авторов

**Политическая наука
№2 / 2017. Языковая
политика и политика языка**

«Агентство научных изданий»

2017

УДК 32
ББК 66.0

Коллектив авторов

Политическая наука №2 / 2017. Языковая политика и политика языка / Коллектив авторов — «Агентство научных изданий», 2017 — (Журнал «Политическая наука»)

Анализируются способы взаимодействия языка и политики, новые подходы к его исследованию. Рассматривается политика языка как совокупность практик, связанных с использованием коммуникативных ресурсов в оспаривании ресурсов власти и влияния. Выявляются политические факторы языковых процессов в обществе, языковые режимы субнациональных, национальных и супранациональных масштабов, дискурсивные измерения политического процесса.

УДК 32
ББК 66.0

Содержание

Представляем номер	5
Состояние дисциплины: Методы изучения языка политики	9
Когнитивная теория метафоры в современной российской политологии: Методологические проблемы	9
Корпусные исследования политического дискурса в лингвистике	17
Лингвистический анализ выступлений главы государства:	35
Тематика, направления и методы исследования	
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Политическая наука № 2 / 2017

Языковая политика и политика языка

Представляем номер

Предлагаемый вниманию читателей номер «Политической науки» посвящен политической лингвистике, т.е. научному направлению, изучающему дискурсивное измерение политического процесса; политические факторы языковых процессов в обществе;

использование языка в политической риторике, рекламе, СМИ и пропаганде; язык и процессы идеологической символизации; языковую политику и языковое планирование; языковое многообразие и политику в отношении языков малых народов; перевод / интерпретацию политического дискурса и др.

Особенностью данного выпуска является широкое тематическое разнообразие статей, в которых использованы различные методы изучения взаимодействия языка и политики. В выпуске представлены работы ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Хабаровска, Екатеринбурга, Казани, Астрахани, Нижнего Новгорода, Воронежа. Материалом исследования являются монокодовые и поликодовые политические тексты. Статьи посвящены анализу русского и зарубежного (английского, американского) политического дискурсов, особенностям политической коммуникации в XIX, XX и XXI вв.

Обращение исследовательского внимания к взаимному проникновению языка и политики – к каким бы то ни было сторонам предмета, в каких-либо контекстах или дисциплинарных полях общественности – естественным, можно сказать, образом воспроизводит (явно или неявно) некоторые проблемные ситуации. Политическая лингвистика – это раздел языкознания, политической науки или область меж-, кросс-, трансдисциплинарных разработок? По каким причинам искомый органический синтез лингвистического и политологического знания остается труднодостижимым, свидетельством чему – опыт отечественных и зарубежных недоразумений, «недоработках», о корпоративных предрассудках или профессиональной кастовой «арrogантности» (если прибегнуть к этому репрезентативному с политико-лингвистической точки зрения слову), наконец, о недостаточности академической культуры? Разумеется, ответы здесь следует искать в связи с обстоятельствами не столько субъективного свойства, сколько с глубинными основаниями дифференциации научного изучения языка и политики.

Применительно к относительно молодому – становящемуся – интересу российских специалистов к рассматриваемым материям можно с полным основанием говорить об идеологической природе названных проблем. Функционально и дискурсивно доминировавший официальный стиль советской эпохи не оставлял места для внимания к самому объекту – к языку политики как к чему-то сулящему познавательную интригу или порождающему интеллектуальное любопытство. По понятным соображениям критическая исследовательская повестка (столь органичная для предметной природы политической лингвистики, ибо язык – это не только дар коммуникации и «гиперколлективное благо», но и угроза отчуждения, эс exclusiи) в той ситуации не была возможной в качестве чего-то публичного. Однако и коллеги на Западе откровенно сетуют на многолетнее игнорирование языка со стороны политической науки, которая была в основном озабочена государственно-конституционными установлениями, институтами, структурно-функциональными предметами в области принятия решений, последствиями политики.

Существуют, по-видимому, еще не подвергнутые убедительной рефлексии объективные основания, затрудняющие превращение политической лингвистики в горизонтально интегрированную, построенную на принципах паритетности исследовательскую область. Также имеется очевидная потребность в поиске возможных способов соединения взаимных усилий по изучению интерференции языкового и политического в их коммуникативных, дискурсивных, семиотических и в нормативно-регулятивных измерениях, что, вне всякого сомнения, актуализируется в ситуациях усложняющегося культурноязыкового многообразия.

Открывается выпуск традиционной для «Политической науки» рубрикой «Состояние дисциплины», посвященной методам изучения политической коммуникации.

Вошедшая в эту рубрику статья политологов из МГУ Ю.Д. Артамоновой и А.Л. Демчука как нельзя более наглядно показывает, сколь сложными и исключаящими легкое взаимопонимание между разными профессиональными сегментами комплексного политико-лингвистического знания становятся материи методологического плана. Принципы, лежащие в фундамент когнитивной теории метафоры, требуемая рефлексия на предмет категоризации, прототипов, идеализированных когнитивных моделей, идентификации концептов «базового уровня» применительно к политическому дискурсу, – все это, с одной стороны, предполагает определенный уровень научного «бэкграунда» авторов. Это делает изначально проблематичной утилитарную редукцию их разработок до уровня «массового» представителя политологической корпорации. Но, с другой стороны, без такой нюансировки гносеологических предпосылок вряд ли можно надеяться на полноценное развитие политической лингвистики – знания, отражающего тезис Дж. Лакоффа: «Вполне разумно предположить, что одни лишь слова не меняют реальности. Но изменения в нашей понятийной системе изменяют то, что для нас реально, и влияют на наши представления о мире и поступки, совершаемые в соответствии с ними».

Использование цифровых технологий в процессе управления государством привело к созданию большого количества политических текстов в электронной форме, которые можно при помощи программного обеспечения изучать, составляя списки слов, выявляя лексическую плотность корпуса, анализируя конкордансы ключевого слова и пр. В статье О.О. Борискиной и К.М. Шилихиной рассматриваются несколько вариантов применения корпусов различного

объема: 1) описывается использование центрального для политического дискурса понятия «politics» в 20 вариантах английского языка; 2) проводится анализ метафорической сочетаемости слова *politics* в английском языке; 3) исследуются неологизмы, образованные от имен и фамилий двух кандидатов на пост президента США; 4) анализируются частотная лексика и ключевые слова в предвыборных выступлениях Х. Клинтон и Д. Трампа.

М.В. Гаврилова представила обзор работ отечественных лингвистов, написанных в последние два десятилетия и посвященных изучению выступлений главы государства. Автор уделяет особое внимание тематике, направлениям, материалу, методам и перспективам исследования речевого поведения президента.

В политической лингвистике семиотический подход применяется, в том числе, и к анализу креолизованных текстов: политическая карикатура, иллюстрация, плакат, логотип партии, видеоролик и др. Обращение исследователей к подобным текстам вызвано их огромным воздействующим потенциалом и широким распространением в СМИ, а также ориентацией современного общества на многоканальный способ представления информации. В статье Е.В. Шустровой представлен анализ ментальных моделей, формирующих основу графических метафор, появившихся в американской карикатуре в течение периода, начавшегося после биржевого краха на Уолл-стрит в «черный вторник» 29 октября 1929 г. Основной упор сделан на описании наиболее частотных типажей, ставших своеобразным лицом Великой депрессии.

Об институционализации политической лингвистики свидетельствует тот факт, что Российский гуманитарный научный фонд в течение последнего десятилетия поддерживает науч-

ные проекты, посвященные изучению взаимодействия политического мышления, политического действия и языковой формы. В рубрике «Представляем исследовательские проекты» опубликованы результаты междисциплинарных исследований в области политической лингвистики, выполненных двумя российскими научными группами.

Первый проект под названием «Речевое воздействие на русском языке в конфликтных и неконфликтных политических ситуациях и методология его лингвистической экспертизы с использованием современных методик» реализует группа уральских исследователей. В статье О.А. Солоповой и А.П. Чудинова на материале американского и британского политических дискурсов XIX в. исследуются ретроспективные модели будущего России. Анализируя когнитивную метафору, авторы предлагают новые подходы к изучению политического текста. Статья М.Б. Ворошиловой и К.В. Злоказова являет собой пример научного сотрудничества лингвистов и психологов. Авторы рассматривают актуальные вопросы психолингвистики креолизованного текста, обращая особое внимание на структуру поликодовой организации текста, стратегии его восприятия и методы репрезентации смысла читателем.

Участниками второго проекта «Семейная политика и особенности конструирования нормативной модели семейных отношений в российских государственных и негосударственных печатных СМИ» являются сотрудники Высшей школы экономики в Нижнем Новгороде. Используя корпусные и компьютерные технологии, Н.К. Радина на материале печатных изданий «Российская газета» и «Аргументы и факты» описывает влияние государственной власти на СМИ в области отражения семейной политики.

Укоренению политической лингвистики в научном поле способствует издание периодических изданий. В России с 2003 г.

издается научный журнал «Политическая лингвистика», рецензию на который представили Н.Э. Гронская и Н.Н. Морозова. Авторы описывают тематическое содержание вышедших номеров, место издания в развитии отечественной области знаний, перспективы дальнейшего существования издания в конкурентном поле специальных междисциплинарных журналов.

Обзору зарубежного научного журнала «Языковая политика» («Language Policy») издательства Springer посвящена статья Ю.В. Балакиной. Автор рассматривает историю создания журнала, его редакционную политику и тематическое содержание наиболее цитируемых статей.

Рубрика «С книжной полки» открывается рецензией профессора Санкт-Петербургского университета В.А. Гуторова на монографию своего коллеги по учебному заведению М.А. Марусенко, которая посвящена языковой политике Европейского союза. Внимание заинтересованного читателя, как можно предположить, привлекут не только характерные для жанра рецензии оценки несомненно пионерского монографического исследования (как воздающие должное исследовательским начинаниям автора, так и резко полемические), но и концентрированная панорамная информативность библиографического материала, приведенного рецензентом, показывающим, насколько насущными становятся разработки западных специалистов в таком предметном сегменте, как властные (шире – политические) интервенции в языковые ситуации и языковые процессы в европейских условиях, особенно в контексте усложняющегося культурного многообразия и новых волн национализма. В материале приведены красноречивые свидетельства актуализации анализируемой проблематики в академическом дискурсе. Это, в частности, на редкость точные, как думается, оценки кембриджского профессора Питера Берка: «...несмотря на свою научную значимость для обеих областей [гуманитарного знания], появилось относительно немного глубоких научных исследований, посвященных политике отдельных языков в отдельные периоды. Проблема заключается в том, что, говоря в общем, лингвисты не знают на достаточном уровне политическую историю, чтобы взять на себя такую задачу, в то время как специалисты по политической истории чувствуют себя неуютно в области лингвистики». Рецензент вслед за британским профессором настаивает на том, что только

на основе синтеза лингвистики, истории (политической и культурной) и политической науки изучение языковой политики сможет обрести новые горизонты.

Статья Н.Г. Юзефович и Ю.М. Маркиной знакомит читателей с концепцией проксимизации, представленной в монографии «Proximization. The pragmatics of symbol distance crossing» польского ученого П. Цапа. Проксимизация рассматривается им как конечный результат дискурсивного события, а не как средство достижения определенного дискурсивного эффекта. Данную концепцию отличает прагматический подход, объединяющий методы политологии, когнитивной и политической лингвистики и критического анализа дискурса.

С.В. Расторгуев представляет книгу «Неискаженная история о сильном правителе и его стране», написанную чешским политологом и историком Вероникой Сушовой-Салминен. Монография посвящена анализу политических и социально-экономических процессов России с 1991 по 2015 г., биографии В.В. Путина до первого президентского срока, ключевых тем посланий В.В. Путина Федеральному собранию, эволюции внешнеполитического курса России в 2000–2015 гг. и др.

Любопытным, на взгляд представителей обоих профессиональных сообществ – языковедов и политологов, – может стать материал молодого казанского политолога О.Б. Януш, написанный в формате хроникальных заметок. Заметным и (уже) историконаучным фактом с многообещающими перспективами стала повестка панелей Исследовательского комитета 50 «Политика языка», которые состоялись в рамках работы 24 Всемирного конгресса политической науки Международной ассоциации политической науки 23–28 июля 2016 г. в городе Познани. Подтверждением предметно-тематической диверсификации исследовательского поля «язык – политика» и соответствующих способов концептуализации является сама сюжетная номенклатура: вопросы транснациональных измерений политики языка, кейс-стади и теоретические подходы к языковым режимам, лингвистическая справедливость, лингвистическое разнообразие и экономическое развитие, язык и политика партий, языковые режимы и режимы гражданства, иммигрантская политика и политика языка меньшинств, политика глобального английского языка, политическая наука языка.

Надеемся, что тематика номера вызовет интерес у читателей, а знакомство с его материалами будет способствовать дальнейшему развитию политической лингвистики в России, которое видится нам в: 1) уточнении представлений о строении дисциплинарного знания и месте научной дисциплины в системе наук, особенно в связи с интенсивными процессами дифференциации и интеграции науки, 2) формировании профессионального сообщества, 3) научном сотрудничестве языковедов с политологами и представителями смежных наук, 4) интеграции в мировое научное пространство.

Н.М. Мухарямов,

М.В. Гаврилова

Состояние дисциплины: Методы изучения языка политики

Когнитивная теория метафоры в современной русской политологии: Методологические проблемы

Ю.Д. Артамонова, А.Л. Демчук¹

Аннотация. Когнитивная теория метафоры является довольно популярным инструментом российских политологов. Однако ее освоение было достаточно быстрым и недостаточно глубоким, что привело к ряду проблем в современных политических исследованиях. В статье рассматриваются алгоритмы исследования, выработанные в отечественной политической лингвистике, их соотношение с базовыми идеями когнитивной теории метафоры, показывается, с какими проблемами данные исследования сталкиваются, и предлагаются возможные пути решения этих проблем, исходя из ключевых положений когнитивной теории метафоры.

Ключевые слова: когнитивная теория метафор; прототип; категория; гештальт; телесно укоренный разум (embodiedmind); доконцептуальная структура.

Yu.D. Artamonova, A.L. Demchuk

Cognitive metaphor theory in contemporary Russian political science: Methodological problems

Abstract. Cognitive metaphor theory is rather popular instrument among Russian political scientists. However its implementation has been rather quick and not deep enough, that led to a number of problems in contemporary political studies. The article deals with algorithms of studies developed in Russian political linguistics and with how they relate to the basic ideas of the cognitive metaphor theory, it demonstrates the problems those studies face, and suggests possible ways of solving these problems from the perspective of the key provisions of the cognitive metaphor theory.

Keywords: cognitive metaphor theory; prototype; category; gestalt; embodied mind; preconceptual structure.

Когнитивная теория метафоры является довольно популярным инструментом российских политологов. Однако ее освоение было достаточно быстрым и недостаточно глубоким, что привело к ряду проблем в современных политических исследованиях.

Действительно, основа теории метафоры – теория категоризации Э. Рош – практически не используется российскими политологами: на фундаментальные работы Э. Рош мало ссылок (сами фундаментальные работы Э. Рош до сих пор не переведены на русский язык), а понятийный аппарат этой теории вообще игнорируется (достаточно указать на то, что принцип прото-

¹ **Артамонова Юлия Дмитриевна**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, e-mail: juliaartamonova@yahoo.com. **Демчук Артур Леонович**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, e-mail: arthur@leadnet.ru. **Artamonova Yulia**, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: juliaartamonova@yahoo.com. **Demchuk Artur**, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: arthur@leadnet.ru.

типирования, который последователи Э. Рош считают ключевым, в прикладных работах российских исследователей отошел на задний план).

Не повезло и идеям ее последователей – Э. Тверски, М. Джонсона, Ж. Фоконье, Дж. Лакоффа и других. Например, несмотря на наличие переводов фундаментальных работ Дж. Лакоффа, ключевой для него тезис: «Идея о том, что метафоры могут творить реальность, вступает в противоречие с большинством традиционных воззрений на метафору. Причина этого заключается в том, что метафора традиционно рассматривалась, скорее, всего лишь как принадлежность языка, а не как средство структурирования понятийной системы и видов повседневной деятельности, которой мы занимаемся. Вполне разумно предположить, что одни лишь слова не меняют реальности. Но изменения в нашей понятийной системе изменяют то, что для нас реально, и влияют на наши представления о мире и поступки, совершаемые в соответствии с ними» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 175] – всегда повторяется, однако при дальнейшем анализе соотносится с действиями иначе, нежели предлагал Дж. Лакофф.

В результате для исследователей уже разрешенные или даже не возникающие в рамках теории категоризации проблемы оказываются сложными, и на их разрешение тратятся усилия.

Поэтому попробуем кратко, при этом систематически воспроизвести ключевые для когнитивной теории метафоры положения; рассмотреть, как они преломляются в исследованиях современной российской политической лингвистики, какие алгоритмы исследования выработаны, как они соотносятся с базовыми идеями когнитивной теории метафоры и с какими проблемами данные исследования сталкиваются. Затем попробуем предложить возможные пути решения этих проблем, опираясь на ключевые положения когнитивной теории метафоры.

Согласно исследованиям Э. Рош [Rosch, 1977], наше сознание оперирует с «образцами», или прототипами. Например, на уровне восприятия цвета (Э. Рош распространяет свое исследование только на домены цвета и формы) мы не оперируем определением «зеленый – это испускающий или отражающий волны такой-то длины», а имеем в виду зеленую траву, зеленое яблоко, зеленый лист дерева и сравниваем с этими объектами предъявляемое нам. Категория внутри неоднородна – есть прототип, или «лучший представитель» данного понятия, а присоединение других «примеров» происходит по принципу «семейного сходства», предложенному Л. Витгенштейном. Категории обладают сложным строением. Э. Рош ставит ряд экспериментов, показывающих существование «лучшего образца», или прототипа цвета. Например, время реагирования при ответе на вопрос «Это зеленое?» при просмотре стопки карточек, на одной стороне которых изображены квадратики разных оттенков зеленого цвета, при предъявлении карточки с «прототипическим» зеленым оказывается короче. Ответ на просьбу назвать относящееся к данной категории обычно начинается с перечисления прототипических образцов. Э. Рош ставит и другие опыты – обучение названиям цветов у детей и племен, у которых этих названий в языке не было, опыты с прайминг-эффектом и некоторые другие.

Дж. Лакофф и другие исследователи распространили идеи Э. Рош на всю нашу понятийную сетку – они полагают, что все категории устроены также неоднородно и имеют прототип – «лучшего представителя» данного понятия, который мы и имеем в виду, когда высказываемся об объектах и действуем в отношении них. К опытам Э. Рош они добавляют ряд своих, например, одна группа составляет распространенные предложения с именем данной категории (например, птица), вторая – подставляет вместо этого имени имена входящих в данную категорию (вместо слова «птицы» слова «воробей», «индюк», «страус», к примеру), а затем оценивает предложения как «нормальные» или «не очень». В случае предложений «Птицы весело щебечут на ветке», «Птицы дружной стайкой слетаются к рассыпанному корму», «Человек создан для счастья, как птица для полета» при подстановке вместо слова «птица» слов «воробей», «индюк», «страус» соответственно «нормальными» предложения будут только в случае

подстановки слова «воробей». Вряд ли автор фразы «Человек создан для счастья, как птица для полета» думал в момент ее создания об индюках, страусах и пингвинах.

Идея прототипов не требует выделения общих свойств, присущих каждому объекту, к которому мы относим данный концепт: «...Мы считаем стульями походные стулья, стулья для стрижки в салонах-парикмахерских и складные стулья не столько потому, что они имеют некий установленный набор тех же определяющих свойств, что и прототип, сколько потому, что у них есть достаточное семейное сходство с прототипом. Складной стул может напоминать прототипический стул чем-то другим, нежели стул для стрижки. Иными словами, нет необходимости постулировать наличие фиксированного ядра свойств прототипического стула, которое было бы общим и для складных стульев, и для стульев для стрижки» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 153].

Этот концепт «стул» – концепт среднего, базового уровня: «Мы располагаем концептами базового уровня не только для объектов, но и для действий и свойств. Такие действия, как бег, ходьба, еда, питье и т.п., относятся к базовому уровню, а движение и глотание – к вышестоящему уровню, тогда как виды ходьбы и питья, скажем, ходьба мелкими шажками или всасывание с шумом – к нижестоящему» [Лакофф, 2004, с. 353].

В роли прототипа выступает доконцептуальная организация опыта, которая затем оформляется в категорию путем метафорических переносов. Например, Дж. Лакофф и М. Джонсон, ссылаясь на опыты Ж. Пиаже [Пиаже, 2003], следующим путем описывают формирование категории «причинность». Они предполагают, что, бросая игрушки, стаскивая одеяла и т.д., дети структурируют опыт непосредственного взаимодействия с объектами. В данном случае его структурными составляющими будут взаимодействующие объекты, один из которых воздействует на другой (агенса и пациенс), при этом у агенса есть план, он предпринимает какие-либо моторные действия, при этом будут различаться сила и возможность данного взаимодействия. Это – прототип непосредственного взаимодействия, который затем метафорически переосмысливается, образуя категорию «причинность». При этом его характеристики воспринимаются вместе как нечто устойчивое – т.е. как гештальт, который люди считают более базовым, чем его составляющие. Поэтому этот прототип одновременно и целостен, и поддается разложению. На похожие на прототип случаи оно распространяется – путем переноса (метафоры), например, когда метафора указывает, что объект возникает из субстанции («Я сложил самолетик из бумаги»). Для Дж. Лакоффа здесь важно, что мы воспринимаем последующий опыт, уже оперируя концептом «причинность», который обладает сложной структурой, связанной с доконцептуальной организацией опыта (опыта непосредственного взаимодействия с предметами) [см.: Лакофф, Джонсон, 2004].

Дж. Лакофф разрабатывает гипотезу о пространственном воплощении формы. Он полагает, что происходит перенос структур из физического пространства опыта в ментальное пространство, как мы видели, например, при анализе категории «причинность». «Образные схемы (структурирующие пространство) отображаются в соответствующие абстрактные конфигурации (которые структурируют понятия). Тем самым гипотеза о Пространственном воплощении Формы говорит о том, что концептуальная структура понимается в терминах образных схем и метафорического переноса» [Лакофф, 2004, с. 369]. Он выделяет следующие типы этих форм: «Категории (в общем случае) понимаются в терминах схемы ВМЕСТИЛИЩЕ. Иерархические структуры понимаются в терминах схем ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ и ВВЕРХ – ВНИЗ. Структуры отношений понимаются в терминах схемы СВЯЗЬ. Радиальные структуры в категориях интерпретируются в терминах схемы ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ. Структура «обсуждаемого – предполагаемого» (foreground-backgroundstructure) понимается в терминах схемы ПЕРЕДНЯЯ СТОРОНА – ЗАДНЯЯ СТОРОНА. Шкалы линейной упорядоченности по количеству понимаются в терминах схем ВВЕРХ – ВНИЗ и ЛИНЕЙНАЯ УПОРЯДОЧЕННОСТЬ» [Лакофф, 2004, с. 367].

В основе схемы «вместилище» – наш телесный опыт: «...Как отмечает Джонсон, мы постоянно воспринимаем наши тела и как вместилища, и как вещи, находящиеся во вместилищах (например, в комнатах)... Как и большинство образных схем, когнитивная схема ВМЕСТИЛИЩЕ по своей внутренней структуре напоминает базовую “логику”. Все расчленяется на то, что находится внутри вместилища, и на то, что находится вне его, – Р или не Р. Если вместилище А находится во вместилище В, а Х – в А, то Х находится также и в В – это базис для правила модус поненс: если все А есть В и Х есть А, тогда Х есть В. Как мы увидим ниже, схема ВМЕСТИЛИЩЕ представляет собой основу Булевой логики множеств» [Лакофф, 2004, с. 353]. Эта схема лежит в основе ряда метафор («родственные отношения есть вместилище» – «вступить в брак», например).

Наше знание организуется идеализированными когнитивными моделями, при этом любую идеализированную когнитивную модель (далее – ИКМ) можно представить как категорию, имеющую прототип. ИКМы описываются «как множества пяти основных типов: (а) образно-схематические; (б) пропозициональные; (с) метафорические; (д) метонимические; (е) символические» [Лакофф, 2004, с. 370]. Среди наиболее часто встречающихся типов пропозициональных схем, к примеру, Дж. Лакофф укажет на «(а) пропозицию; (б) сценарий (называемый иногда “скриптом”); (с) пучок признаков; (д) таксономию; (е) радиальную категорию» [Лакофф, 2004, с. 370]. Поэтому прототипы могут представляться и в виде системы пропозиций, и в виде системы изображений и так далее.

Таким образом, анализ Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Ж. Фоконье и других требует четкого выделения идеализированной когнитивной модели и представления о ней как множестве определенного типа, имеющего прототип, связанный с непосредственным опытом взаимодействия с миром, а также особый тип строения (относящийся к одному из пяти вышеперечисленных типов, каждый из которых имеет подтипы).

Между тем даже в исследованиях блестящих лингвистов употребляется понятие «метафорическая модель» без должной рефлексии. Приведем пример исследования И.М. Кобозевой (просим извинения у читателя за длинную цитату, описывающую инструментарий исследования): «1. Поле METAPHOR. В это поле заносится метафорическое выражение в том виде, в каком оно встретилось в тексте (возможно, в измененной грамматической форме), вместе с минимальным контекстом, в котором проявляется его метафоричность (т.е. фокус метафоры вместе со своей рамкой), напр.: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕМЕНТ; 2. Поле SIGNIF_DES. Содержит цепочку сигнификативных дескрипторов, репрезентирующих концепт метафорического выражения в его буквальном понимании и место его в концептуальной иерархии – метафорической модели. В нашем случае понятие «цемента» с его основной коннотацией «связующего вещества» в качестве вида «строительного материала» входит в метафорическую модель «строительство»: цемент / связующее вещество / строительный материал / строительство; 3. Поле DENO_DES. Заполняется цепочкой денотативных дескрипторов, репрезентирующих референт метафоры – сущность или явление, принадлежащее к определенной области политики или многочисленных смежных с ней областей общественной жизни. В нашем случае, как будет ясно из контекста, помещаемого в поле 4, это: идея / идеология / европейская интеграция / ЕС. Соположение записей из 2 и 3 полей дает достаточно очевидную интерпретацию метафоры: некая общая идея должна сыграть в процессе интеграции Евросоюза такую же роль, какую цемент играет при строительстве здания: без такой идеи этот процесс либо вообще остановится, либо интеграция не будет достаточно прочной. 4. Поле EXAMPLE. В данном поле приводится текстовый фрагмент из корпуса, достаточный для выявления сигнификативных и денотативных дескрипторов, иногда весьма пространный, но в нашем случае достаточно короткий: Объединенная Европа в поисках идеологического цемента. Страх перед войной больше не может служить основой для интеграции. Остальные три поля фиксируют дату публикации текста, его источник и автора» [Кобозева, 2001].

Здесь необходимо отметить, во-первых, что ключевыми в метафорической модели являются концепты среднего уровня. Во-вторых, они должны представлять базовый опыт взаимодействия с миром. В-третьих, поскольку они представляют базовый опыт, они обладают определенной структурой; новое понимается за счет отнесения (переноса, метафоры) к уже структурированному прототипу. Логичнее все-таки представить прототип как прототип, т.е. обладающий сложной структурой при всей своей простоте. Заметим также, что понимание в когнитивной теории метафоры базируется именно на интерактивных характеристиках [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 151].

Отметим также, что категории по Аристотелю – это то, что упорядочивает имена, позволяя строить суждения [Аристотель, 1978]. Ведь Э. Рош спорит с лингвистическим релятивизмом Б. Уорфа (в варианте Р. Брауна и Э. Ленненберга, экспериментально изучавших зависимость цветового восприятия людей от классификации цветов в родных языках) и полагает, вслед за Б. Берлином [Berlin, Kay, 1969], что цветовое восприятие связано с естественной включенностью человека в мир (*embodied mind*). Дж. Лакофф будет спорить и с лингвистическим релятивизмом, и с объективизмом: «Свойства некоторых категорий представляют собой отражение сущности биологических способностей человека и опыта его функционирования в материальном и социальном окружении. Этот тезис вступает в полное противоречие с идеей о том, что понятия существуют независимо от телесной организации мыслящих существ и независимо от их опыта» [Лакофф, 2004, с. 83]. Тем самым базовая логика когнитивных схем вытекает из их строения. Такой подход к пониманию образных схем неизбежно когнитивен [Лакофф, 2004].

Не менее важен тезис о том, что понимание (определение) подразумевает также знание о том, как действовать в отношении данного объекта. «В рамках стандартного объективистского подхода полное понимание объекта (и тем самым его определение) достижимо на основе сочетания его ингерентных свойств. Но... по крайней мере некоторые свойства, связанные с нашим представлением об объекте, относятся к интерактивным характеристикам. Кроме того, свойства формируют не просто сочетание характеристик, а, скорее, структурированный гештальт, измерения которого естественно возникают из нашего опыта» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 152–153]. Например, безобидное на первый взгляд словосочетание «борьба с инфляцией» помещает такое явление, как инфляция, в рамки давно знакомого нам «соперничества»; автоматическими выводами будут, например, заключения, что инфляция является соперником, оказавшимся на нашей территории и, следовательно, ее можно убрать из жизни; что с инфляцией можно бороться или можно ей потакать и т.д. Тем самым задается шаблон наших возможных действий в отношении нее, который допускает только определенные действия, а ряд действий делает «немыслимыми». Попробуйте, например, отстаивать тезис, что инфляция – естественное явление, и даже в периоды экономического процветания она сохраняется – вы просто не будете услышаны.

То есть в предложенном И.М. Кобозевой примере речь должна идти не о строительстве (это не концепт базового уровня, не очевидно его доконцептуальное ядро; поэтому сложно понять и его структуру, связанную с интерактивными характеристиками), а о процессе стройки здания. В плане структур речь пойдет о создании объекта, прототипом которого является опыт непосредственного взаимодействия; в таком случае важным элементом анализа будет и агент (у агента должен быть план, соответствующая активность в отношении пациента и т.д.; агент, заметим, отвечает за «изменения» в пациенте; в таком случае смысл метафоры «идеологический цемент» будет иным – процесс строительства идет не так, как надо; этот мотив принесет именно гештальт, стоящий за концептом среднего уровня.

Приведем еще один пример. Рассуждая о метафорических моделях, А.Н. Баранов приводит их примеры: «Общее тематическое поле однородных понятий области источника представляет собой “метафорическую модель” (М-модель). Например, тематическое поле понятий,

связанных с военными действиями, армией, образует М-модель Войны; понятия из области родственных отношений формируют М-модель Родственных отношений. По таким же основаниям выделяются М-модели Персонификации, Механизма, Организма, Пути-Дороги (как части М-модели Пространства), Пространства (и Движения как части М-модели Пространства), Погоды, Фауны, Растения-дерева, Медицины, Религии-Мифологии, Театра, Игры и др.». [Баранов, 2004 б, с. 71]. Но в качестве прототипа может использоваться только понятие «среднего уровня» – поэтому, например, «Организм», «Пространство» и «Движение» там попросту невозможны – они не являются опытом нашего первичного непосредственного (телесного) взаимодействия с миром.

Также весьма частой ошибкой исследователей является сведение структуры прототипов к одному возможному типу. Практический опыт взаимодействия с предметами может структурироваться по-разному (в виде таксономии, пучка признаков и т.д.). Российские исследователи чаще всего склонны понимать все в модели фреймов. Но сам фрейм после М. Мински, в работах, прежде всего, Р. Шенка, начинает пониматься более детализированно – это не любое структурирование, а именно однотипное структурирование ситуации действия. Вот как описывается фрейм «поездка»: предварительное условие (вы имеете средство передвижения), посадка (вы приводите это средство в движение), центр (вы двигаетесь в пункт назначения); завершение (остановка и оставление транспортного средства), конец (Вы в точке назначения) [Шенк, 1980]. Поэтому, к примеру, на вопрос «Как Вы сюда добрались?» дается понятный собеседнику ответ: «Я взял машину у брата». Можно привести массу других примеров (фрейм «торгового обмена, процесса покупки» и т.д.) [Schank, 1977]. Фрейм – один из возможных видов пропозициональных прототипов, а пропозициональный прототип – один из возможных наряду с образно-схематическим и т.д. Между тем у нас любое структурирование опыта называется фреймом. Например, М.В. Ильин пишет: «В основе фреймов лежат когнитивные схемы. В исходном определении фреймы – это структура знаний для представления однотипной ситуации. Подобное понимание фреймов близко категории фоновых практик, а также фоновых знаний и значений» [Ильин, 2014, с. 130]. Вторит ему и И.М. Кобозева: «Когнитивная операция, происходящая при порождении и понимании метафоры, состоит во взаимодействии двух разных понятийных сфер (ментальных пространств, фреймов), благодаря чему метафоризируемая идея наделяется новыми представлениями и ассоциативными связями, обогащается» [Кобозева, 2001].

Однако такой подход требует соблюдения всех ограничений фрейма как типа идеализированной когнитивной модели. Приведем простой пример – представление ИКМ только как фрейма заставит исключить из нее другие типы – например, метонимию. Не случайно И.М. Кобозева будет подчеркивать: «Если любые тропы, основанные на уподоблении (вплоть до отождествления) онтологически далеких друг от друга феноменов, в рамках политического дискурса целесообразно считать метафорами (в широком смысле), то этого нельзя сказать о тропах, основанных на отношении смежности (метонимии) или части-целого (синекдохи)» [Кобозева, 2001]. Она предполагает, что при этом не происходит приращения знания. Но Дж. Лакофф, например, показывает огромную значимость именно метонимических моделей в политическом дискурсе, когда, к примеру, речь идет о социальных стереотипах («идеальный муж», «политикан») и т.д., когда несколько объектов являются репрезентативными для всего класса, и рассуждения базируются на метонимии. «Стереотипный политик является интриганом, самовлюбленным и бесчестным человеком» [Лакофф, 2004, с. 121]. Этот стереотип играет роль прототипа, аналогичную голубю и воробью для категории «птица», и используется в рассуждениях. Можно привести классический пример метонимии как ИКМ – никто не назовет Папу Римского холостяком, хотя, рассуждая логически, это было бы правильно («холостяк» = неженатый мужчина). Однако мы образуем категорию не логически, а прототипически, и в данном случае путем метонимической схемы; поэтому «холостяк» – человек, не

желающий связывать себя узами брака, между тем интересующийся женщинами. Это прототип, «репрезентирующий» всю категорию; категория, таким образом, организована метонимически; и именно прототип регулирует производство наших суждений.

Еще одной распространенной ошибкой имплементации теории метафоры в отечественной политической лингвистике является игнорирование интеракционистских свойств прототипа: его структуры – это структуры взаимодействия человека и мира. А.Н. Баранов подчеркивает: «Метафоры используются для категоризации проблемной ситуации и формируют набор альтернатив для решения проблемной ситуации (так, осмысление оппонента в споре как врага в метафоре Войны увеличивает конфликтность общения по сравнению с метафорой Танца, в которой спор воспринимается как совместная деятельность для достижения эстетического эффекта)» [Баранов, 2004 б, с. 71]. Однако использование метафорических моделей, не относящихся к базовому уровню (например, модели организма), не позволяет выделить доконцептуальные структуры, гештальт и тем самым высветить действительные поведенческие стратегии. Автор указывает: «Комплекс Органистических метафор, таких как Растение-дерево, Организм, Культура / Традиция, Природа, указывает на то, что эксперты воспринимают Коррупцию как имманентное, естественное свойство российского социума. Всего в корпусе обнаружилось 64 употребления метафор такого типа – порядка 15% от всех употреблений... Важнейшее свойство Органистических метафор заключается в том, что Коррупция рассматривается как феномен, не подверженный рациональному вмешательству и способный к саморазвитию» [Баранов, 2004 б, с. 75]. Во-первых, организм – не концепт базового уровня, поэтому стоящий за ним гештальт выявить сложно. Во-вторых, невыявленный гештальт не позволит прочертить возможную схему опыта. В частности, понять, что из «коррупционного» сторонник данной метафоры считает допустимым, какие действия он вообще будет считать относящимися к коррупции и т.д. А ведь инструментарий, предложенный Дж. Лакоффом, М. Джонсоном, Ж. Фоконье и другими, позволяет проводить такой анализ.

А.Н. Баранов предлагает более глубокую стратегию анализа политических метафор, обращаясь уже к уровню метаязыка. «Полное исследование метафорического дискурса с использованием корпусных технологий предполагает, во-первых, сбор представительного корпуса контекстов употребления метафор, во-вторых, разработку метаязыка описания области источника и цели; в-третьих, описание типичных метафорических моделей в смысле дескрипторной теории метафоры, в-четвертых, выявление концептуальных метафор дискурса (в качестве формального параметра для этого может использоваться параметр стабильности денотативных отображений) и, наконец, в-пятых, определение набора М-моделей и концептуальных метафор как дискурсивных практик [Баранов, 2004 а, с. 14–15].

Предложенная А.Н. Барановым стратегия использует неточное понятие «метафорическая модель» (см. выше анализ данного понятия) и, несмотря на глубину и продуктивность данного подхода, провоцирует две вышеназванные ошибки. Повторим: неиспользование концептов «среднего уровня» делает сложным выявление опытных гештальтов, связанных с телесной укорененностью человека в мире и непосредственным взаимодействием с этим миром. Это, в свою очередь, мешает четко очерчивать поле поведенческих стратегий и действий.

Поэтому данный алгоритм нуждается в уточнении именно этих позиций. Его уточненную модель можно представить следующим образом:

- сбор представительного корпуса контекстов употребления метафор;
- выявление метафорических моделей (или описание типичных метафорических моделей в смысле дескрипторной теории метафоры);
- установление доконцептуальных структур и типа непосредственного (физического) опыта взаимодействия с миром, структуры которого определяют гештальт концепта-источника и возможности дальнейшего переноса структур;

– выявление стратегий действий человека при использовании данных метафор (т.е. при таком понимании предмета, феномена, ситуации и т.д.).

Список литературы

- Аристотель. Сочинения в 4 т. – М.: Наука, 1978. – Т. 2. – 684 с.
- Баранов А.Н. Когнитивная теория метафоры: Почти двадцать пять лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004 а. – С. 7–21.
- Баранов А.Н. Метафорические грани феномена коррупции // Общественные науки и современность / РАН. ИНИОН. – М., 2004 б. – № 2. – С. 70–79.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 330 с.
- Ильин М.В. Слоеный пирог политики: Порядки, режимы и практики // Полис: Политические исследования. – М., 2014. – № 3. – С. 111–134.
- Кобозева И.М. Лексико-семантические заметки о метафоре в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2010. – № 2 (32). – С. 41–46.
- Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – М., 2001. – № 6. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/articles/kobozeva/imk-2001-meta.rtf> (Дата посещения: 28.12.2016.)
- Лакофф Дж. Женщина, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: УРСС Эдиториал, 2004. – 256 с.
- Пиаже Ж. Психология интеллекта. – СПб.: Питер, 2003. – 192 с.
- Россия в поисках идеи: Анализ прессы / Отв. ред. Г. Сатаров. – М., 1997. – 165 с.
- Теория метафоры: Сборник статей / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; Н.Д. Арутюнова, М.А. Журина (ред.). – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
- Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
- Шенк Р. Обработка концептуальной информации / Пер. с англ. – М.: Энергия, 1980. – 360 с.
- Шенк Р., Бирнбаум Л., Мей Дж. К интеграции семантики и прагматики / Пер. с англ. Г.Ю. Левина // Новое в зарубежной лингвистике / Под ред. Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1989. – Вып. 24. – 432 с.
- Berlin B., Kay P. Basic color terms: Their universality and evolution. – Berkeley, Calif.: Univ. of California press, 1969. – 178 p.
- Fauconnier G. Mental Spaces. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985. – 185 p.
- Lakoff G. Moral politics: How liberals and conservatives think. – Chicago; L.: The univ. of Chicago press, 2002. – 471 p.
- Rosch E.H. Human categorization // Studies in Cross-Linguistic Psychology / Ed. by N. Warren. – L.: Academic Press, 1977. – P. 1–49.
- Schank R.C. Scripts, plans, goals, and understanding. – N.Y., 1977. – 266 p.

Корпусные исследования политического дискурса в лингвистике

*О.О. Борискина, К.М. Шилихина*²

Аннотация. В статье обсуждается возможность использования корпусных методов для исследования современной политической коммуникации. В работе рассматриваются пять вариантов применения корпусов различного объема: на материале корпуса NOW (News on the Web) описывается использование центрального для политического дискурса понятия *politics* в 20 вариантах английского языка, проводится анализ метафорической сочетаемости слова *politics* в английском языке. Третий пример использования корпуса NOW – изучение неологизмов, образованных от имен и фамилий двух кандидатов на пост президента США. Целью анализа является изучение тональности новостного политического дискурса, в котором освещалась предвыборная президентская кампания в США в 2016 г.

На материале двух микрокорпусов, включающих тексты предвыборных выступлений Хиллари Клинтон и Дональда Трампа, показаны возможности выделения и анализа наиболее частотной лексики и ключевых слов. Цель подобного анализа – выявление риторических способов воздействия на аудиторию.

Ключевые слова: политический дискурс; языковой корпус; метафора; неологизм; частотность; ключевое слово.

O.O. Boriskina, K.M. Shilikhina

Corpus methods in the political discussion in linguistics

Abstract. The paper describes the potential of corpus methods in the political discourse studies. The paper illustrates the advantages of corpus methods by providing five examples of corpus-based studies. The data extracted from The Corpus of NOW (News on the Web) is processed in order to compare the use and linguistic categorization of the concept *politics* in twenty varieties of the English language. The third example covers the emergence and usage of neologisms derived from Donald Trump and Hillary Clinton's names during 2016 presidential campaign in the USA. The study of the new words can contribute to sentiment analysis of the mass-media political discourse during election campaign in the USA.

Two small-size corpora – transcripts of D. Trump and H. Clinton's 2016 election campaign speeches – are used for the analysis of the most frequent words and key words that reveal rhetorical strategies used by the two politicians to influence the audiences.

Keywords: political discourse; language corpus; metaphor; neologism; frequency; key word.

² **Борискина Ольга Олеговна**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета, e-mail: olboriskina@gmail.com. **Шилихина Ксения Михайловна**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный университет, e-mail: shilikhina@rgph.vsu.ru. **Boriskina Olga**, Voronezh state university (Voronezh, Russia), e-mail: olboriskina@gmail.com. **Shilikhina Ksenia**, Voronezh state university (Voronezh, Russia), e-mail: shilikhina@rgph.vsu.ru.

Введение

Политическая коммуникация, равно как и политика вообще, традиционно исследуется с использованием инструментария и методов политической науки. Однако в эпоху цифровых гуманитарных наук (Digital Humanities) актуальным становится вопрос о необходимости соединения практики изучения социально-политических реалий с новыми информационно-коммуникационными технологиями сбора и анализа данных, с одной стороны, с другой – с результатами корпусных лингвистических исследований в области политического дискурса. Эти три составляющие – политическая наука, лингвистика и ИТ-методология – дают возможность взглянуть на, казалось бы, достаточно изученное явление в ином ракурсе, что будет способствовать приращению знания междисциплинарного характера.

Изучение политического дискурса на материале макрокорпусов

Политологи, социологи и лингвисты все чаще обращаются к макрокорпусам³ за материалом для своих исследований, и это постепенно становится частью исследовательской практики в гуманитарных науках [Wiedemann, 2013; Khokhlova, 2016], поскольку корпусный подход делает результаты анализа более эмпирически релевантными.

Ярким примером языкового макрокорпуса является ежедневно пополняемая коллекция новостных текстов, «обитающих» в интернет-СМИ (News on the Web, или сокращенно NOW Corpus) от создателя языковых корпусов М. Дэвиса [Davis, 2013]. В корпусе, который на 01/2017 насчитывает около 3,8 млрд слов, представлены 20 региональных или национальных вариантов английского языка: британский (GB), ирландский (IE), американский (US), канадский (CA), австралийский (AU), новозеландский (NZ), ямайский (JM), индийский (IN), пакистанский (PK), филиппинский (PH), сингапурский (SG), шриланкийский (LK), гонконгский (HK), малайзийский (MY), бангладешский (BG), кенийский (KE), южноафриканский (ZA), нигерийский (NG), ганский (GH), танзанийский (TZ). Такая палитра языковых вариантов придает дополнительное измерение исследованию политического дискурса: в результате можно наблюдать специфику функционирования языковых единиц в различных регионах мира.

Рассмотрим базовое понятие политической науки – политику. Под политикой в широком смысле этого слова понимают управленческую деятельность государственного уровня. Какие новые возможности открывают корпусные технологии для лингвистической оценки базового понятия политической науки?

Во-первых, сравнение частоты употребления слова *politics* в англоязычном новостном дискурсе (NOW Corpus) за последние 6 лет по полугодиям (табл. 1, рис. 1) показывает, что коммуникативное обращение слова не только находится на стабильно высоком уровне, но и имеет тенденцию к росту независимо от варианта языка, что вполне ожидаемо в свете современных политических процессов. Однако при этом неожиданным представляется тот факт, что чаще о политике говорят не в Америке или Европе, а в Африке.

Таблица 1

Количество употреблений имени *politics* по полугодиям с 2010 по 2016 г.

³ Под макрокорпусом в данной работе понимается объемный массив текстов, содержащий сотни миллионов словоупотреблений, в отличие от специализированных микрокорпусов, небольших по объему коллекций текстов объемом несколько тысяч словоупотреблений.

Полугодия	Общая частота употребления слова в корпусе	Size размер к орпуса	Относительная частота употребления слова (количество словоупотреблений на миллион)
2010 A	9328	115,2	81,00
2010 B	11639	129,2	90,09
2011 A	12656	145,1	87,25
2011 B	13126	160,0	82,05
2012 A	16476	185,1	89,00
2012 B	17005	186,4	91,23
2013 A	17364	196,9	88,20
2013 B	19262	204,9	94,00
2014 A	20463	209,8	97,51
2014 B	20164	219,9	91,68
2015 A	20407	223,8	91,19
2015 B	20088	289,1	90,24
2016 A	70435	684,5	102,90
2016 B	81469	759,0	107,34
Total Bcero	355882		

Рис. 1

Количество употреблений имени *politics* по полугодиям с 2010 по 2016 г.

Действительно, несмотря на то что в абсолютных величинах максимальное число примеров с именем *politics* характерно для английского языка в США (65 124 млн словоупотреблений, рис. 2, вторая колонка), наибольшее количество словоупотреблений в относительных величинах (рис. 2, четвертая колонка, встречаемость словоформы в 1 млн словоупотреблений) было обнаружено в вариантах английского языка Нигерии, Кении и Ганы.

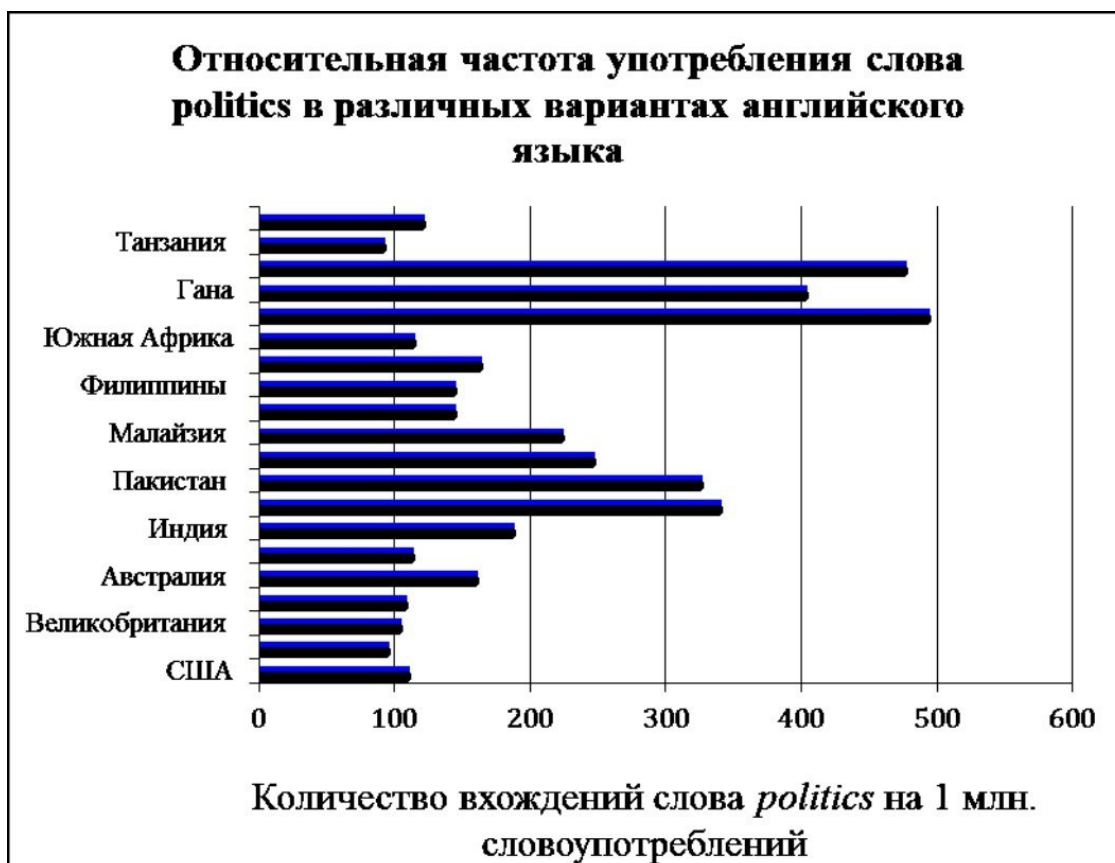

Рис. 2

Соотношение употребления имени *politics* в вариантах английского языка

Таблица 2

Соотношение употребления имени *politics* в вариантах английского языка

Страны	Общая частота употребления слова в корпусе	Size размер корпуса	Относительная частота употребления слова (количество словоупотреблений на миллион)
1	2	3	4
США	65 024	585,8	110,99
Канада	39 624	409,7	96,72
Великобритания	45 470	431,1	105,48
Ирландия	16 153	147,3	109,67
Австралия	28 788	178,7	161,07

1	2	3	4
Новая Зеландия	6561	57,3	114,57
Индия	45 453	240,8	188,76
Шри-Ланка	3919	11,5	341,08
Пакистан	15 473	47,2	327,65
Бангладеш	2901	11,7	247,88
Малайзия	7621	33,9	224,67
Сингапур	6663	45,8	145,43
Филиппины	9770	67,1	145,62
Гонконг	1304	7,9	164,64
Южная Африка	18 994	165,4	114,87
Нигерия	22 648	45,7	495,21
Гана	7801	19,3	404,86
Кения	8584	17,9	478,32
Танзания	595	6,4	93,19
Ямайка	2536	20,7	122,38

На следующем этапе исследования варианты английского языка корпуса NOW были сгруппированы в шесть кластеров, соответствующих крупным географическим ареалам: американскому, австралийскому, европейскому, азиатскому, африканскому и карибскому.

Средняя частота употреблений имени *politics*, рассчитанная по ареалам (рис. 3, где по вертикальной оси отложено среднее количество словоупотреблений в корпусе NOW по ареалам в относительных величинах), свидетельствует о том, что по частотности коммуникативного обращения рассматриваемого слова «лидирует» новостной дискурс африканского ареала, далее в порядке убывания расположились азиатский, австралийский ареалы, вариант английского языка Ямайки. Закрывает данное множество интернет-СМИ англоязычных стран европейского и американского ареалов, где слово *politics* употребляется значительно реже.

Такое распределение частоты использования слова *politics* позволяет сделать предположение о высокой степени актуальности политики как темы для публичного обсуждения в новостном дискурсе Африки и Азии.

Как видим, корпусные технологии позволяют отслеживать активность функционирования языковых единиц на малом временном отрезке, а также сопоставлять данные разных сегментов англоязычного пространства, что в свою очередь способствует адекватной интерпретации и оценке той роли, которая отводится политике как социальному институту в сознании разных языковых сообществ, исторически объединенных одним языком.

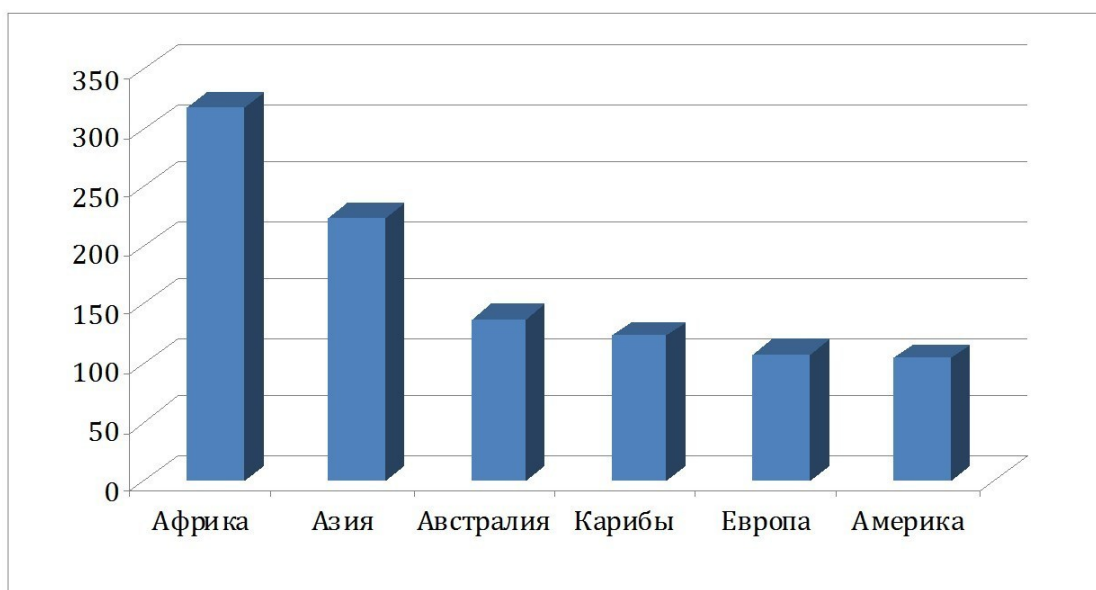

Рис. 3

Соотношение употребления имени *politics* по ареалам

Еще одной возможностью макрокорпусных технологий является анализ метафорики политического дискурса. Метафоры в политической коммуникации играют особую роль в создании реальности: они не только влияют на то, как воспринимается ситуация большими группами людей, но и позволяют формировать идеологии, которыми оправдываются различные стратегии решения проблем, в частности оккупационная политика США (см. подробнее в работе [Lakoff 1991]). При этом наблюдаются зависимости между идеологическими следствиями метафор и действиями государства.

Исследование метафорической категоризации понятий, обозначающих социальные явления и институты, позволяет проследить, какие образы помогают носителям языка осмысливать эти явления. С этой точки зрения интересно посмотреть, как в современном английском языке осуществляется категоризация *политики* как социального института. Для этого был проведен анализ метафорической сочетаемости существительного *politics*. Результаты количественной обработки данных корпуса NOW показали, что в первую очередь политика категоризируется во всех вариантах английского языка как небольшой предмет стабильной формы, который можно взять в руку (пример 1) и удерживать (пример 2), бросить (пример 3), отдать или забрать (пример 4), при этом во всех вариантах английского языка, кроме кенийского, такая метафорическая модель имени *politics* является доминирующей.

(1) We cannot **grasp** the underlying **politics** which bounds all of us together (LK);

(2) «Radical feminism» has an iron **grip** on both Swedish **politics** and jurisprudence (GB);

(3) Actually, it was Hitler who **threw** race **politics** into fascism (US);

It would be a mistake to **cast** Chinese **politics** at an elite level as wholly predictable (HK);

(4) Regional government is not a way of **taking politics** to the people; it is a way of **taking it away from** the people (IE).

Во вторую очередь политика категоризируется в английском языке как нить, которую вплетают в ткань национальной идентичности (пример 5), которой связывают людей (пример 6), переплетают с религией, национальностью (пример 7) и другими реалиями. Образ «нитевидной» политики встречается во всех 20 вариантах английского языка, при этом в кенийском английском он доминирует.

(5) The underlying **thread** of Tamil **politics** became political emancipation (LK);

Umno **waved** its race-based **politics** into the **fabric** of the nation (MY);

(6) *The American public has become deaf to the **politics** that **bind** us (US);*

(7) *These elections have been an eye opener for me as far as ethnicity and **politics** are **intertwined** in Kenya (KE).*

Третьим приоритетом метафорической категоризации политики выступает образ длинно-тонкого предмета стабильной формы типа копья, которым можно проткнуть нечто, например жизнь, а также который можно использовать в функции «указки» (примеры 8). Как длинно-тонкий предмет политика категоризуется в девяти вариантах английского языка, при этом данная метафорическая модель не характерна для ямайского английского и африканского ареала в целом.

(8) *In Taiwan, according to our research, **politics** already **penetrated** almost every layer of their daily lives (AU);*

*For more than a decade, **politics** have **pointed** toward one direction and evidence has pointed toward another (US).*

Также политика осмысливается по образу и подобию текущей (пример 9), льющейся или струящейся жидкости (примеры 10), которой свойственно вытекать и сочиться (примеры 11) (ср.: рус. *просочиться на страницы газет*), что подтверждается корпусными данными 13 вариантов английского языка. Интересно, что такое метафорическое осмысление политики не свойственно большинству азиатских лингвокультур.

(9) *Mindful of the **flow** of **politics** in Nigeria, we may not have seen the last of this sort of unjustifiable... (NG);*

(10) *However, the Buguma crisis and **stream** of **politics** at the time stalled the continuity of the scheme (GH);*

(11) *The employees under me would surely reply in tersely written emails **leaking politics** and reeking of something more hidden away (US);*

***Politics spilled** into the public realm (CA).*

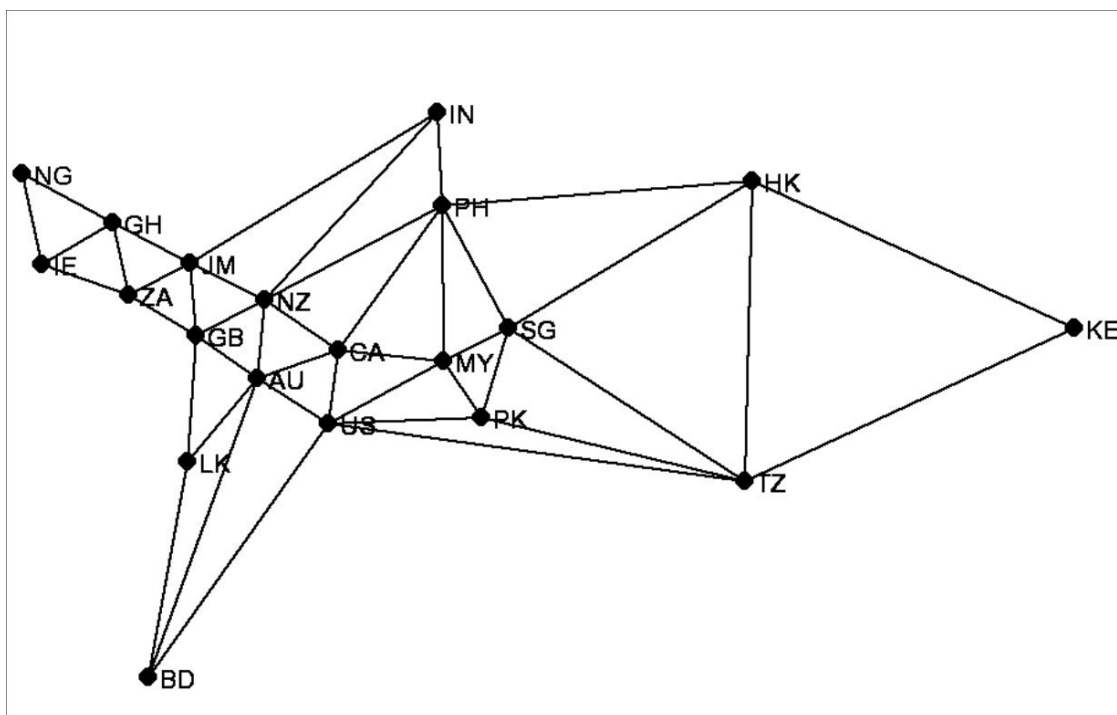

Рис. 4

Карта *politics* по данным корпуса

На карте имени *politics* (рис. 4), построенной из расчета тесноты связи между вариантами языка при помощи статистических методов, наблюдается следующая зависимость: чем короче линия, соединяющая варианты, тем выше коэффициент корреляции между ними и теснее связь. Как видим, кенийский английский (KE) находится на максимальном удалении от других вариантов, часть которых, связанных достаточно тесно, образуют кластер с доминирующим при метафоризации политики образом мелкого предмета (примеры 1–4). В новостном дискурсе Кении доминирует метафора «нитевидной» политики, при этом чем ближе национальный вариант английского языка располагается на карте к варианту Кении, тем более значимым данный образ политики является для данного языкового сообщества. В новостном англоязычном дискурсе Бангладеш (BD) лучше, чем в других странах, реализуется метафорический образ «длинно-тонкой» политики, в вариантах Нигерии (NG) и Ирландии (IE) наиболее ярко представлен метафорический образ «жидкой» политики.

Еще одной возможностью интегрированной методики анализа метафорической сочетаемости является компьютерно-когнитивное графическое представление лингвистического объекта. В результате проведенного исследования нам удалось смоделировать когнитивный континуум метафоризации политики по данным электронного ресурса NOW. При помощи методов Data Mining и самоорганизующихся карт Кохонена, являющихся разновидностью нейросетевых алгоритмов, была получена многомерная диаграмма (рис. 5), построенная по данным анализа метафорической сочетаемости имени *politics*⁴. Самые высокие точки графа соответствуют метафорическому образу «мелкой», «помещающейся в руке» политики, которой можно *манипулировать* (удерживать, передавать или отбирать), максимально коммуникативно востребованному в политическом дискурсе британского и американского вариантов языка. Таким образом, корпусные технологии позволяют получить данные о том, как носители языка выражают идею о том, в *чьих руках* находится политика, и как осуществляются политические действия.

⁴ Подробнее с процедурой получения многомерной диаграммы можно познакомиться в работе [Донина, Борискина, 2016]

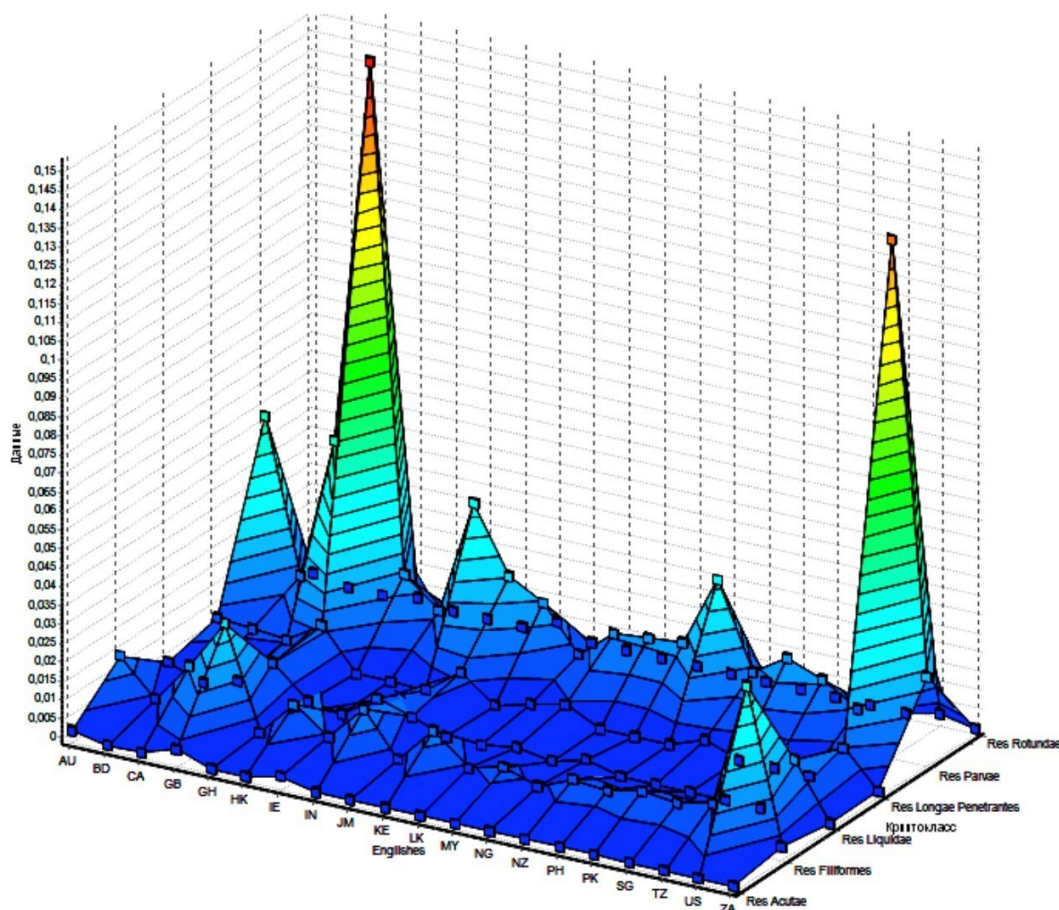

Рис. 5

Многомерная диаграмма. Когнитивный континуум метафоризации политики по вариантам

Изучение неологизмов политического дискурса корпусными методами

Макрокорпусные технологии позволяют наблюдать за редкими окказиональными языковыми явлениями, например неологизмами, которые возникают в периоды активных политических действий как естественная реакция общества на происходящие события. Исследование новой лексики в политическом дискурсе позволяет сделать ряд выводов о том, как воспринимаются политические процессы в обществе. Такие данные полезны для анализа и сравнения тональности сообщений, создаваемых носителями разных географических вариантов английского языка. В качестве примера рассмотрим ряд неологизмов, образованных от имен и фамилий двух основных кандидатов на пост президента США в 2016 г.

Предвыборная президентская кампания 2016 г. в США послужила стимулом для появления неологизмов, отражающих отношение общества к политическим программам и действиям кандидатов во время президентской гонки. Эти неологизмы получили широкое распространение не только в новостном дискурсе США, но и во всех 20 англоязычных странах, что позволяет проследить, как политическое событие в одной стране отражается на жизни людей по всему миру.

Фамилия Дональда Трампа использовалась в текстах СМИ в качестве словообразовательной базы гораздо чаще, чем фамилия его соперницы. Кроме того, количество новой лексики с корнем Trump- значительно превышает число новых слов, образованных от фамилии Clinton.

В таблице 3 представлены неологизмы, полученные в результате поискового запроса *trump*, абсолютная частота которых на начало января 2017 г. превышает 100 словоупотреблений.

Таблица 3

Д. Трамп: Неологизмы (по данным корпуса NOW)

№	Неологизм	Абсолютная частота словоупотребления	Словообразовательная модель	Возможный русский эквивалент
1	Anti-Trump	2880	Добавление приставки anti-	Анти-трамповский
2	Pro-Trump	891	Добавление приставки pro	Про-трамповский
3	Trumpism	866	Добавление суффикса -ism	Трампизм
4	Trumpian	752	Добавление суффикса -ian	Трамповский
5	Trump-like	282	Основосложение	Трампо-подобный
6	Trump-branded	226	Основосложение	Бренд, созданный Трампом
7	Trumpland	202	Основосложение	Трамплэнд
8	Post-Trump	198	Добавление приставки post-	Пост-трамповский
9	Trump-led	115	Основосложение	Ведомый Трампом
10	Non-Trump	114	Добавление приставки non-	Не-трамповский
11	Trumponomics	104	Контаминация Trump+economics	Трампономика

Для создания неологизмов носители разных вариантов английского языка используют одинаковые словообразовательные модели, что создает благоприятные условия для увеличения коммуникативного обращения слова и повышает вероятность его закрепления в узусе. Любопытно, что большинство контекстов, содержащих неологизмы, выражают негативную оценку Дональда Трампа, его персональных качеств и действий. Особенно ярко эта тенденция проявляется в тех случаях, когда авторы текста не просто создают новое слово, но используют языковую игру. Отметим, что по сравнению с неологизмами, приведенными в таблице 3, такие примеры встречаются реже (примеры 12–14):

(12) *Trumpocalypse* (40 вхождений)

KGB, RNC, FBI and Wikileaks feel like the four shameless horsemen of the Trumpocalypse.

КГБ, Национальный комитет Республиканской партии, ЦРУ и Викиликс – как будто четыре наглых всадника Трампокалипсиса.

(13) *Trumpflation* (34 вхождения)

But then along came Trump and now investors are being warned of « Trumpflation ».

A потом появился Трамп, и теперь инвесторов предупреждают о « Трампфляции ».

(14) *Trumpmania* (26 вхождений)

Trump hypnotizes the media; Trump goes global; Trumpmania is the new Obamanania ...

Трамп гипнотизирует СМИ, Трамп становится мировой фигурой, Трампомания – это новая Обамания.

Имя и фамилия Хиллари Клинтон тоже использовались для создания неологизмов, однако их общее количество и частотность в текстах СМИ гораздо ниже. Неологизмы с абсолютной частотой выше 100 словоупотреблений представлены в таблице 4.

Таблица 4

Х. Клинтон: Неологизмы (по данным корпуса NOW)

№	Неологизм	Абсолютная частота словоупотребления	Словообразовательная модель	Возможный русский эквивалент
1	Pro-Clinton	279	Добавление приставки pro-	За Клинтон, в пользу Клинтон
2	Anti-Clinton	255	Добавление приставки anti-	Против Клинтон
3	Clinton-era	184	Основосложение	Эра Клинтон
4	Anti-Hillary	123	Добавление приставки anti	Против Хиллари
5	Pro-Hillary	123	Добавление приставки pro-	За Хиллари

Обращает на себя внимание тот факт, что прилагательное anti-Trump используется в СМИ почти в 3 раза чаще, чем pro-Trump. В случае с Хиллари Клинтон ситуация иная: pro-Clinton встречается в целом чаще, чем anti-Clinton, а неологизмы, образованные аналогичным способом от ее имени, употребляются равное количество раз.

Неологизмы, в которых присутствует языковая игра, также употребляются в контекстах, выражающих критику в отношении действий Клинтон (пример 15), причем часто эта критика является прямым указанием на то, что Клинтон по своим политическим взглядам является полной преемницей действующего президента:

(15) Hillarycare

*Obamacare's failures are now becoming part of **Hillarycare**, and she has to defend skyrocketing premiums that affect individuals and families across the country.*

Провалы реформы здравоохранения Обамы теперь становятся частью реформы, которую предлагает Хиллари, и ей приходится защищать непомерную стоимость медицинских страховок, которые касаются и отдельных людей, и семей по все стране.

Одним из наиболее интересных примеров стало появление неологизма *Killary*, который является контаминацией глагола *kill* (убивать) и имени кандидата в президенты США. Негативная коннотация нового способа номинации политика в данном случае очевидна; контексты, в которых появляется слово *Killary*, как правило, усиливают отрицательное отношение авторов к деятельности Клинтон (пример 16):

*(16) I am very sure you will gladly enjoy the benefits when Trump turns this world into a better place and prevent it from turning it into an ash heap with the wars Obama and **Killary** are pushing.*

*Я абсолютно уверен, что вы будете наслаждаться всеми преимуществами, когда Трамп превратит этот мир в лучшее место и сделает так, чтобы он не стал горой пепла со всеми войнами, которые проталкивают Обама и **Киллари (Убиллари)**.*

Таким образом, появление неологизмов, образованных от имен участников политических процессов, как правило, является показателем отрицательного отношения к политику. В тексте такие слова могут служить сигналом общей негативной тональности новостного сообщения.

Исследование политического дискурса на материале микрокорпусов

Изучение политической коммуникации может проводиться не только на материале многомилионных корпусов, но и на основе данных, которые предоставляют массивы специально отобранных текстов, которые можно назвать микрокорпусами. Примером таких микрокорпусов можно считать текстовые массивы транскриптов выступлений отдельных политиков или представителей определенных политических течений. Тексты публичных выступлений поли-

тиков, транскрипты предвыборных дебатов используются как такой источник данных об особенностях речи участников политического дискурса, который позволяет выявлять предпочитаемые ими способы трансляции идеологии и влияния на сознание аудитории.

В данной работе для исследования особенностей предвыборного дискурса кандидатов на пост президента в США в 2016 г. были использованы два микрокорпуса: Корпус-1 объемом 60 тыс. словоупотреблений, содержащий транскрипты выступлений Хиллари Клинтон в качестве кандидата на пост Президента США от Демократической партии; Корпус-2 объемом 55 тыс. словоупотреблений, содержащий транскрипты речей Дональда Трампа в качестве кандидата на пост Президента США от Республиканской партии.

Несмотря на небольшой объем, эти массивы текстов могут дать нам информацию о частотности использования слов, об их лексической сочетаемости, а также о словах, которые играют роль ключевых в речи (и, более широко, в идеологии) двух политиков. Эти данные позволяют далее переходить от исследования формальных показателей (например, частотности употребления лексики) к исследованию семантики (т.е. изучению смысловой стороны коммуникации). Переход к семантическому анализу – это необходимый шаг, который позволяет проводить дальнейшее описание идеологии и системы ценностей двух политиков.

Корпусное исследование ключевых слов предполагает использование специализированных программ-конкордансеров. В данном исследовании была использована программа AntConc, которая позволяет не только строить конкордансы (т.е. автоматически выделять все контексты, в которых употребляется то или иное слово), но и анализировать лексическую сочетаемость языковых единиц, а также сравнивать два корпуса и выделять слова, частота встречаемости которых в одном корпусе значительно отличается в большую или меньшую сторону от частоты их использования во втором корпусе.

Частотность – один из показателей востребованности слова в дискурсе, на основе которого можно делать выводы о значимости определенной темы или сферы жизнедеятельности для социума. Однако при использовании языковых корпусов для составления списков частотных слов приходится учитывать преобладание в верхней части списка слов, которые относятся к несамостоятельным частям речи (предлоги, союзы) либо являются дейктическими единицами (личные и указательные местоимения, наречия с семантикой места и времени), либо выполняют грамматические функции (вспомогательные глаголы, артикли). Поэтому далее мы остановимся только на функционировании существительных, вошедших в первую сотню наиболее частотных слов в речах двух политиков.

Наиболее частотными существительными в предвыборных выступлениях Трампа и Клинтон оказались имена, представленные в таблицах 5 и 6.

Таблица 5

Наиболее частотные существительные в предвыборных выступлениях Д. Трампа

№	Существительное	Позиция среди 100 самых частотных словоформ	Кол-во употреблений
1	people	29	280
2	country	32	251
3	Hillary	42	176
4	Clinton	44	174
5	jobs	75	111
6	years	82	102
7	Obama	96	85
8	States	100	82

Таблица 6

Наиболее частотные существительные в предвыборных выступлениях Х. Клинтон

ТОН

№	Существительное	Позиция среди 100 самых частотных словоформ	Кол-во употреблений
1	2	3	4
1	people	28	294
2	country	49	180
3	America	55	162
4	Donald	71	143

1	2	3	4
5	president	73	142
6	jobs	75	137
7	police	83	121
8	Americans	89	113
9	Trump	90	112
10	families	98	95

Ожидаемым является частое употребление личных имен политических противников, что объясняется постоянной критикой в адрес оппонента. Оба политика активно используют слово *jobs* (рабочие места), и это подтверждает актуальность проблемы создания новых рабочих мест в американском обществе. Другие лексемы, обладающие одинаково высокой частотностью в речи Трампа и Клинтон, – это *country* (страна) и *people* (люди, народ). Можно ли утверждать, что одинаковая частота встречаемости лексем *country* и *people* в речах обоих политиков неинформативна в отношении особенностей тематической и риторической организации их выступлений? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к контекстам, в которых эти словоформы употребляются.

Среди 251 контекста, в которых Д. Трамп использует слово *country*, наиболее частым является словосочетание *our country* с абсолютной частотой корпусных вхождений 144, 40 раз в корпусе встречается сочетание *this country*, 19 раз – *the country*. Поскольку референтом всех этих сочетаний являются США, это позволяет говорить о том, что тема государства постоянно находится в фокусе внимания политика. Трамп использует прилагательные (*great, incredible*), которые описывают США как великую страну, основная проблема которой – власть, не способная обеспечивать людям достойный образ жизни (пример 17):

(17) *I began this campaign because I was so tired of seeing such foolish things happen to our country. **This is a great country. This is a great land.***

Я начал эту кампанию, поскольку я устал смотреть на те глупости, которые творятся в нашей стране. **Это великая страна. Это великая земля.**

В выступлениях Х. Клинтон из 180 контекстов, в которых встречается слово *country*, 110 раз оно сочетается с местоимением *our*, 17 раз – с артиклем *the*, и девять раз – с указательным местоимением *this*. Помимо этого Клинтон использует прилагательные в сравнительной степени, что позволяет ей неявным образом выразить идею сравнения настоящего с будущим и обозначить пути дальнейшего улучшения жизни в стране (пример 18):

(18) *I'm running for President with the belief that we need to face up to these challenges and fix them in order **to become a stronger, fairer country**.*

Я борюсь за пост президента, будучи уверенной в том, что нам необходимо открыто смотреть на вызовы и справляться с ними, чтобы стать **более сильной, более справедливой** страной.

В речах Д. Трампа лексема *people* наиболее часто используется в сочетании *the American people* – 17 вхождений, из них шесть – *you the American people* (вы, американский народ). Словосочетание *our people* имеет 12 вхождений, *one people* – три вхождения. Таким образом, Трамп активно использует стратегию объединения аудитории (пример 19):

(19) *Our movement is about replacing a failed, and corrupt, and when I say corrupt I'm talking about totally corrupt, political establishment with a new government controlled by **you the American people**.*

Наш курс направлен на замену провального и коррумпированного (и когда я говорю «коррумпированного», я говорю об абсолютно коррумпированном) политического истеблишмента новым правительством, подконтрольным **вам, американскому народу**.

Словосочетание *one people* (единый народ) используется для акцентирования внимания аудитории на идее единения американского народа, а не разделения его на многочисленные меньшинства (пример 20):

(20) *Just imagine what our country could accomplish if we started working together as **One People**, under One God, saluting One American Flag.*

Только представьте себе, чего могла бы добиться наша страна, если бы мы начали работать вместе, как Единый Народ, под властью Единого Бога, отдавая честь Единому американскому флагу.

Идея национального объединения проявляется еще и в том, каким образом в речи отражается идея социальных различий и осуществляется референция к отдельным социальным группам. Для Дональда Трампа характерна обобщенная референция, без указания на социально-экономические, этнические или иные признаки, без называния конкретных цифр (пример 21):

(21) *Some people warned me this campaign would be a journey to hell. But they are wrong, it will be a journey to heaven because **we will help so many people**.*

Некоторые предупреждали меня, что эта кампания превратится в дорогу в ад. Но они ошибаются, это будет дорога в рай, потому что **мы поможем очень многим людям**.

Хиллари Клинтон же использует лексему *people* для отсылки к конкретным социальным группам (пример 22), что может интерпретироваться как желание политика четко обозначить свой электорат:

(22) *We spent a year and a half bringing together millions of people from every corner of our country to say with one voice that we believe that the American dream is big enough for everyone . **For people of all races, and religions, for men and women, for immigrants, for LGBT people, and people with disabilities**.*

Мы потратили полтора года на то, чтобы объединить миллионы людей во всех уголках нашей страны, чтобы заявить в один голос, что американской мечты хватит на всех. На людей всех рас и религий, на мужчин и женщин, на иммигрантов, на людей с нетрадиционной ориентацией, на людей с ограниченными возможностями.

Характерные для Д. Трампа сочетания в речи Х. Клинтон встречаются гораздо реже: *our people* – восемь вхождений, *the American people* – пять вхождений, словосочетание *one people* в нашем корпусе не встретилось ни разу. Говоря о проблемах, Клинтон предпочитает оперировать конкретными цифрами (пример 23), тем самым задействуя не только эмоциональный, но рациональный способ восприятия информации аудиторией.

(23) *Nine million people lost their jobs. Five million people lost their homes.*

Девять миллионов людей, девять миллионов людей потеряли работу. Пять миллионов людей потеряли свои дома.

Как оказалось, идея многообразия в восприятии американского общества и рациональное начало, к которым апеллировала Х. Клинтон, оказались малоэффективными, в то время как идея национального единства Д. Трампа, «преподнесенная» электорату посредством эмоционального воздействия, позволила ему стать президентом.

Теперь посмотрим на слова, которые часто употребляются только одним из политиков.

Появление словоформы *years* в выступлениях Дональда Трампа связано с постоянным указанием на то, что его политические соперники находятся у власти в течение достаточно долгого промежутка времени (пример 24), однако за время правления им не удалось решить ключевые социальные проблемы:

(24) *It's been defective for a long time, many years, but the politicians haven't done anything about it.*

Это соглашение остается неправильным в течение долгого времени, многие годы, но политики ничего с этим не сделали.

Вхождение в первую сотню слова *family* (семья) означает, что для Х. Клинтон одной из ключевых оказывается тема семейного благополучия (пример 25):

(25) *And I want us to do more to support people who are struggling to balance family and work.*

И я хочу, чтобы мы оказывали большие поддержки людям, которые пытаются совмещать семью и работу.

Появление среди частотных существительного *president* (президент) и анализ контекстов, в которых оно встречается, указывает на две риторические стратегии, регулярно используемые Клинтон в своих выступлениях: первая стратегия связана с использованием комиссивных речевых актов, в которых кандидат на пост президента дает предвыборные обещания. Вторая риторическая стратегия связана с упоминанием других президентов США, членов Демократической партии, чьи действия, по мнению Клинтон, следует признать успешными:

(26) *When my husband was president, we went from a \$300 billion deficit to a \$200 billion surplus and we were actually on the path to eliminating the national debt. When President Obama came into office, he inherited the worst economic disaster since the Great Depression. He has cut the deficit by two-thirds.*

Когда мой муж был президентом, мы ушли от долга в 300 миллиардов долларов к профициту в 200 миллиардов, и мы уже были на пути к избавлению от национального долга. Когда президент Обама начал свою работу, он унаследовал наихудшую экономическую ситуацию со времен Великой депрессии. Он снизил дефицит на две трети.

Использование имен успешных политиков – одна из стратегий повышения собственного авторитета, основанная на зарабатывании «символического капитала» [Bourdieu, 1991].

Анализ частоты употребления слов – это способ выявления коммуникативно значимых языковых единиц внутри одного корпуса. Частотность – это, безусловно, важная характеристика, однако она описывает только то, что «лежит на поверхности». Более сложный способ

анализа корпусов текстов связан с возможностью сопоставления двух текстовых массивов и выявления ключевых слов.

Ключевые слова как «сигналы» эпохи

Обращение к проблеме ключевых слов в современной лингвистике связано с признанием того факта, что в любом тексте значимость слов различна в том смысле, что каждая словоформа вносит свой вклад в общий смысл текста, но некоторые словоформы оказываются более важными в смысловой организации текста. Такие слова принято называть *ключевыми*. Анализ ключевых слов необходим для определения тематической (содержательной) направленности текста, для выявления основных идей или стилистических предпочтений автора.

В современной лингвистике понятие *ключевого слова* имеет несколько трактовок. Одно из наиболее популярных пониманий – это понимание ключевого слова как важного элемента культуры. В фокусе внимания исследователей оказываются слова, которые описывают характерные для данной культуры понятия и ценности; специфика семантики таких слов часто вызывает трудности при переводе [Вежбицкая, 2001]. Глобальная цель таких исследований – с помощью лингвистического анализа описать языковую картину мира.

Второй вариант трактовки понятия ключевого слова связан не с возможностью обозначения им специфического понятия, характерного для определенной культуры, а с ролью отдельных слов в понимании конкретного текста. Например, в тексте научной статьи ключевые слова играют роль метаданных, которые в самом общем виде представляют тематику исследования [Кретов, 2012; Кашкин, Шилихина, 2014].

В сфере автоматической обработки естественного языка трактовку понятия *ключевого слова* можно считать «гибридной»: ключевые слова рассматриваются и как инструмент понимания текста, и как способ выражения определенных идей.

В рамках данного исследования были выявлены ключевые слова в речах Дональда Трампа и Хиллари Клинтон. Получение списков ключевых слов проводилось по следующему алгоритму: при сопоставлении двух массивов текстов выделялись статистически значимые слова в Корпусе-1, при этом Корпус-2 использовался в качестве справочного. Затем был составлен список ключевых слов для Корпуса-2, при этом в качестве справочного использовался Корпус-1. Инструментом статистической оценки, на основе которой были выделены слова, встречаемость которых в речи одного политика выше, чем в речи другого, стала функция логарифмического правдоподобия. Данные о первых 30 ключевых словах представлены в таблице 7.

Таблица 7

Ключевые слова в речах Д. Трампа и Х. Клинтон

№	Дональд Трамп	Хиллари Клинтон
1	She	He
2	Hillary	Donald
3	Trump	Need
4	They	Police
5	Going	His
6	Illegal	Work
7	Will	Families
8	Are	To
9	Her	That
10	You	Us
11	Very	Together
12	Bad	Economy
13	Great	Officers
14	Story	Too
15	NAFTA	Black
16	Immigration	Still
17	Not	Americans
18	Administration	Young
19	Disaster	Everyone
20	Obamacare	Children
21	Corruption	Here
22	Media	In
23	Tremendous	Let
24	Borders	How
25	Emails	Each
26	Leaving	Kids
27	Countries	Do
28	Corrupt	Stand
29	Under	Can
30	False	Sure

Результат, представленный в таблице, позволяет увидеть, какие ценности и идеи являются для двух политиков приоритетными: для Хиллари Клинтон это семья и дети, молодежь, взаимоотношения рядовых граждан с полицией. Кроме того, в число ключевых попали слова, выражающие уверенность в собственной правоте, в будущем. Для Трампа важными являются темы коррупции, иммиграции, противостояния администрации Барака Обамы.

Более детальный анализ первых 100 ключевых слов позволяет увидеть тенденции в выборе способа воздействия на аудиторию. Обращает на себя внимание обилие прилагательных с отрицательной коннотацией: *illegal* (незаконный), *bad* (плохой), *disaster* (катастрофа), *corruption* (коррупция), *corrupt* (коррумпированный), *horrible* (ужасный), *radical* (радикальный), *crime* (преступление), *depleted* (истощенный), *nothing* (ничего).

Х. Клинтон пользовалась противоположной стратегией: в отличие от своего оппонента она использовала лексику, в семантике которой преобладает положительная оценка: *together* (вместе), *young* (молодой), *sure* (уверенный), *clear* (ясный, понятный), *stronger* (сильнее), *trust* (доверие), *faith* (вера), *progress* (прогресс), *hope* (надежда), *affordable* (доступный), *opportunity* (возможность), *health* (здоровье), *investments* (инвестиции), *best* (лучший), *fairer* (более справедливый).

Заключение

Подводя итоги, отметим многообразие вариантов применения методов корпусной лингвистики для анализа политической коммуникации. Корпусные технологии позволяют выявлять метафорические модели, к которым обращаются как политики, так и наивные пользователи языка, отслеживать географию и выявлять ареальную специфику метафорических процессов в англоговорящем пространстве, наблюдать за редкими языковыми явлениями, например неологизмами, на малом временном отрезке, что в свою очередь позволяет делать выводы о способах осмысления политических процессов и явлений в современном обществе.

Анализ частотности словоформ и выделение ключевых слов в специализированном корпусе публичных выступлений политиков позволяет объективно оценить тематическое содержание текстов и определить основные идеи, которые политические деятели стремятся донести до аудитории, культурные и идеологические импликации, которые содержатся в тексте и с помощью которых имплицитно осуществляется влияние на массовое сознание.

Список литературы

Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славян. культуры, 2001. – 272 с.

Донина О.В., Борискина О.О. Эмотивная лексика в аспекте ареальной вариативности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2016. – № 4. – С. 41–45.

Кашкин В.Б., Шилихина К.М. Концептуальный диссонанс при переводе российской лингвистической терминологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2014. – № 1. – С. 72–77.

Кретов А.А. Маркеры и ключевые слова в научных текстах // Мир лингвистики и коммуникации. – Тверь, 2012. – Т. 1, № 27. – С. 1–13.

Bourdieu P. Language and symbolic power. – Cambridge: Harvard univ. press, 1991. – 302 p.

Davies M. Corpus of news on the web (NOW): 3+ billion words from 20 countries, updated every day. – Provo, 2013. – Mode of access: <http://corpus.byu.edu/now/> (Дата посещения: 12.01.2017.)

Khokhlova M.V. Large Corpora and Frequency Nouns // Computational linguistics and intellectual technologies: Proceedings of the international conference «Dialogue-2016». – Moscow, 2016. – June 1–4. – P. 237–250.

Lakoff G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify war in the Gulf // Peace Research. – Winnipeg, 1991. – N 23(2/3). – P. 25–32.

Wiedemann G. Opening up to big data: Computer-assisted analysis of textual data in social sciences // Historical social research. – Mannheim, 2013. – Vol. 38, N 4 (146). – P. 332–357. – Mode of access: <http://www.jstor.org/stable/24142701> (Дата посещения: 12.01.2017.)

Лингвистический анализ выступлений главы государства: Тематика, направления и методы исследования

*М.В. Гаврилова*⁵

Памяти моего друга, Антона Губанкова, погибшего в авиакатастрофе
ТУ-154 в Сочи

Аннотация. В статье представлен обзор работ отечественных лингвистов, написанных в последние два десятилетия и посвященных изучению выступлений главы государства. Особое внимание уделяется рассмотрению тематики, научных направлений, методов и перспектив исследования президентского дискурса. Основными направлениями лингвистических исследований речей руководителей страны являются: лингвоперсонология, дискурс-анализ, когнитивная лингвистика, семиотическое направление, риторика, лингвокультурология, коммуникативная лингвистика, психолингвистика, корпусная лингвистика и др. Выявлены наиболее частотные темы лингвистических исследований выступлений главы государства: семантическая оппозиция «свой – чужой», языковые способы выражения ценностей, дискурсивное конструирование национальной идентичности, прецедентные феномены, речевой имидж политика, средства речевого воздействия, языковые способы манипулирования общественным сознанием, авторство политического текста, конструирование образов лидеров в СМИ и др.

Ключевые слова: президент; политическая лингвистика; русский политический дискурс.

M.V. Gavrilova

Linguistic analyses of Head of State speeches: the theme, direction and methods of research

Abstract. The article presents a review of the works of Russian political linguists, which have been written for the last two decades and examined various features of Presidents' speeches. The article discusses the basic topics, methodological approaches, methods and perspectives of linguistic analysis of presidential discourse.

Keywords: President; political linguistics; Russian political discourse.

Переход России к президентской системе правления, становление новой политической системы, развитие информационного общества, возникновение новых угроз в быстро меняющемся мире способствовали интересу лингвистов к изучению выступлений президента страны, что, на наш взгляд, имеет и общественную значимость, которая определяется большим влиянием президентской риторики на формирование дискурсивного поля политики. Кроме того, необходимость изучения выступлений руководителя страны обусловлена недостаточной изученностью речевых аспектов профессиональной деятельности политика, устных форм взаимодействия власти с народом, а также необходимостью разработки принципов лингвистического описания политического текста для мониторинга тенденций в сфере общественного сознания.

Цель данной статьи – представить обзор работ отечественных лингвистов, написанных в последние два десятилетия и посвященных изучению выступлений главы государства.

⁵ Гаврилова Марина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры драматургии и киноведения Санкт-Петербургского университета кино и телевидения, e-mail: politlinguistics@yandex.ru. **Gavrilova Marina**, St.Petersburg State University of Film and Television (Saint-Petersburg, Russia), e-mail: politlinguistics@yandex.ru.

Тематика лингвистических исследований

Мы выяснили, что наиболее частотными темами лингвистических исследований выступлений главы государства являются: семантическая оппозиция «свой – чужой», языковые способы выражения ценностей, дискурсивное конструирование национальной идентичности, прецедентные феномены, речевой имидж политика, средства речевого воздействия, языковые способы манипулирования общественным сознанием, авторство политического текста, конструирование образов лидеров в СМИ и др.

Так, рассматривая особенности авторства политического текста, исследователи описывают историю спичрайтерства в России, процесс подготовки выступления, условия производства речей руководителя, степень воздействия спичрайтеров на развитие языковой личности президента, особенности коммуникативного взаимодействия спичрайтера (ов) в ходе написания речей. Подчеркивается, что автором политического текста является тот, кто несет ответственность за его содержание [см.: например, Учиров, 2016].

Примером анализа ценностных установок в политических выступлениях может являться кандидатская диссертация Т.А. Свето-носовой, в которой описаны сходства и различия языкового выражения ценностей и соответствующих им антиценностей в выступлениях В.В. Путина и Дж. Буша. В частности, автор на материале инаугурационных речей и посланий высшему законодательному органу страны (2000–2005 годы) выявила следующую систему ценностей в выступлениях В.В. Путина: политические (закон, свобода, демократия), экономические (конкуренция, бизнес, благосостояние) и социальные (образование, здоровье, безопасность). В анализируемых речах Дж. Буша представлены политические (свобода, закон, демократия), экономические (бизнес) и социальные ценности (безопасность, здоровье, образование). К общим закономерностям автор относит постоянное вербальное представление рассматриваемых феноменов как ценностей, указания на их значимость, важность для развития страны и общества, включение указанных ценностей в круг целей и задач своей профессиональной деятельности. Существенные различия обнаруживаются в том, какие именно ценности представлены в качестве ведущих, и в том, какие категории президенты воспринимают в качестве антиценностей [Светоносова, 2006].

Выявляя способы лексического выражения универсальной семиотической оппозиции «свой – чужой» в посланиях Федеральному собранию, А.Д. Васильев отмечает, что в послании-2012 в роли важных для российского социума («своих») предлагаются национальная и духовная идентичность, гражданская ответственность и патриотизм; милосердие, сочувствие, сострадание, поддержка и взаимопомощь. В послании-2013 «чужим» аксиологическим ориентирам противопоставляются некие «свои» традиционные ценности. В послании-2014 антитеза «своего» и «чужого» представлена весьма четко, очевидно вследствие обострения международной ситуации [Васильев, 2015].

Анализируя дискурсивное конструирование национальной идентичности на материале инаугурационных речей, М.В. Гаврилова пришла к выводу, что в русском политическом дискурсе наблюдается динамичный процесс обсуждения, переосмысления и построения новой российской идентичности. Это процесс нейтрализации негативной самоподачи и усиления положительной самопрезентации, который на тематическом уровне осуществляется при помощи топиков единства, истории, географического пространства, разворачивающихся при помощи дискурсивной стратегии символической принадлежности к сообществу и определенных языковых средств (существительное *Россия*, местоимение с объединительной семантикой *мы* и притяжательное местоимение *наш*, глагол *быть*, местоименное прилагательное *свой*, метафора персонификации, метафора родства и др.) [Гаврилова, 2016].

На наш взгляд, своеобразие тематики лингвистических работ о речах президентов обусловлено исследовательским интересом языковеда, главенствующей научной парадигмой и политическими реалиями современности.

Направления изучения выступлений главы государства

Наши наблюдения показали, что основными направлениями лингвистических исследований речей руководителей страны являются: лингвоперсонология, дискурс-анализ, когнитивная лингвистика, семиотическое направление, риторика, лингвокультурология, коммуникативная лингвистика, психолингвистика, корпусная лингвистика и др.

Лингвистическая персонология – это научное направление, изучающее языковую личность на семантическом, когнитивном и поведенческом уровнях. Следует подчеркнуть, что отечественная лингвистика обладает большим опытом филологического исследования речей главы государства (М.Я. Вайскопф, П.Н. Денисов, А.К. Михальская, А.П. Романенко, А.Г. Цейтлин и др.).

Отечественные лингвисты посвящают свои работы изучению языковой личности как российских, так и зарубежных лидеров. Так, описывая языковую личность Д.А. Медведева, М.В. Гаврилова анализирует особенности выступлений президента на различных уровнях организации текста и дискурса: топики, ключевые слова, синтагматические связи слов, концепты речевых средств воздействия, доминирующие метафорические модели, взаимодействие с другими видами дискурса, условия продуцирования текста [Гаврилова, 2011]. А.П. Седых, рассматривая языковую личность французского президента Николя Саркози, исследует при помощи интерпретационного анализа лексический корпус, фразеологию, неологизмы, вторичные антропонимы [Седых, 2011].

Нам представляется, что описание языковой личности президента позволит создать картину исторического развития речевого образа главы государства и установить прототипическую основу этого образа, описать языковую личность, обладающую высоким социальным статусом.

Дискурсивный анализ заключается в выявлении как вербальных компонентов (сочетание языковых знаков, их распределение в речевой линии), так и прагматических факторов (ситуации порождения и восприятия текста, изучение контекста коммуникативного события, коммуникативные и прагматические установки автора). Так, М.В. Гаврилова описала модель коммуникативного события (выступление президента России перед Федеральным собранием с посланием), элементы контекста, схематическую и тематическую структуру дискурса, языковые феномены различных микроуровней политического дискурса [Гаврилова, 2004].

Когнитивный анализ политического дискурса призван выяснять, как в структурах языка проявляются знания человека о мире, в том числе о мире политическом. Другим преимуществом когнитивного подхода является возможность выяснить ментальные схемы или когнитивные модели, которые лежат в основе политического текста. Примечательно, что лингвокогнитивный анализ выступлений главы государства осуществляется преимущественно посредством изучения концептов, фреймов и метафорических словоупотреблений.

Изучая концептуальное пространство президентского дискурса, лингвисты выясняют, какие концепты составляют центр и периферию, каково содержание базовых политических концептов и как изменяется их содержание во времени. Сопоставив тематическую структуру программ политических партий начала XX и XXI вв. и программных выступлений российского президента, М.В. Гаврилова пришла к выводу, что «ключевые концепты русского политического дискурса остаются неизменными на протяжении XX и XXI вв.: единство и целостность страны, “духовное единение”, “спокойствие и безопасность”, “благо широких народных масс” (С.Ю. Витте), труд, Россия. Именно эти слова формируют глобальный тематический

уровень и отражают национальную специфику русского политического дискурса» [Гаврилова, 2005, с. 7].

Добавим, что лингвисты исследуют национально-культурные особенности вербализации ключевых концептов президентского дискурса. Например, А.М. Погорелко анализирует концепт свобода / *freedom, liberty* в речах американских и российских президентов конца XX – начала XXI в. [Погорелко, 2010].

В когнитивной лингвистике метафора – это способ познания действительности. Изучение концептуальных метафор позволяет выявить способы осмысления политической ситуации. Так, выявляя общие закономерности и национальные особенности метафорического моделирования категории «свой – чужие» в современном президентском дискурсе США, Франции и Венесуэлы, Е.К. Мохова приходит к выводу, что универсальными моделями представления категории «свой» являются схемы: «Мы – это народ», «Мы – это страна», «Мы – это президент». Соответственно «чужие» – это политические оппоненты, предыдущие политические лидеры, зарубежные политики. Общим для президентских дискурсов Б. Обамы, Н. Саркози и У. Чавеса является активное использование военных и спортивных метафор, которые способствуют активизации агрессии по отношению к «чужим», навязывают обществу конфронтационные пути решения возникающих проблем и ограничивают поиск мирных способов урегулирования конфликтов. Общими, но менее распространенными в дискурсах трех президентов являются антропоморфные метафоры и метафоры природы, криминала и механизма, содержащие концептуальный вектор опасности и тревожности [Мохова, 2011].

Отметим, что лингвисты анализируют не только метафоры в выступлениях руководителей, но технологии конструирования в СМИ образа президента (кандидата в президенты) во время избирательной кампании. Особое внимание уделяется метафорическому моделированию образа главы государства в общественном сознании. Здесь уместно сказать об исследовании А.М. Стрельникова, который описывает оценочные метафорические словоупотребления, актуализированные в ходе президентских выборов 2004 г. в России и США [Стрельников, 2005].

Кандидатская диссертация Ю.С. Вашталовой, выполненная в рамках междисциплинарных исследований, посвящена изучению взаимосвязи когнитивного, риторического и аксиологического аспектов в политическом тексте. Основываясь на теории фрейма и используя ассоциативный эксперимент, автор выявила основные фреймы, включающие ценностно-значимые понятия, и описала механизм формирования нового смысла и оценки сообщения. По мнению автора, ключевыми политическими понятиями американской политики являются: *freedom, peace, leadership, democracy, God, happiness, dream*. Обращение к ценностно-значимым понятиям позволяет политическим лидерам не только усилить пафос выступления, сохранить преемственность системы ценностей, но и создать новые смыслы за счет изменения смыслового наполнения слотов в уже существующих фреймах или за счет актуализации ценностно-значимых понятий в новых фреймах [Вашталова, 2009].

Семиотический подход применяется, в том числе, и к анализу креолизованных⁶ текстов: политическая карикатура, предвыборный плакат, агитационный видеоролик, музыкальные клипы и др. Обращение исследователей к подобным текстам вызвано их огромным воздействующим потенциалом и широким распространением в СМИ, а также ориентацией современного общества на многоканальный способ представления информации.

М.Б. Ворошилова описывает историю изучения, проблему определения и основные подходы к исследованию креолизованного текста в политическом дискурсе. Автор анализирует политические карикатуры, посвященные мировому финансовому кризису, военному противо-

⁶ «Сложное текстовое образование, в котором вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое» (определение Е.Е. Анисимовой).

стоянию России и Грузии в 2008 г., в которых, в том числе, представлены визуальные образы российских президентов [Ворошилова, 2013].

Учитывая факт взаимосвязи языка и культуры и достижения семиотики, Р.Т. Садуов изучает феномен популярности 44 президента США и «ту роль, которую визуальное играет в дискурсе Обамы» [Садуов, 2012, с. 5].

Е.В. Шустрова рассматривает эволюцию образа Б. Обамы в американской карикатуре, исследуя архетипические образы, прецедентные феномены, культурно обусловленные смыслы и переносные значения слов, участвующие в создании визуальных образов президента [Шустрова, 2014].

Понимание **риторики** как науки об эффективности речевых коммуникаций общества, способах и правилах построения целесообразного общения, стиля жизни общества позволяет предположить большое количество публикаций о средствах речевого воздействия, приемах убеждающей речи, характерной для профессиональной деятельности политика. Так, в кандидатской диссертации О.А. Гусевой анализируются риторико-аргументативные средства осуществления регуляции восприятия речи на материале обращения американского президента к нации [Гусева, 2006].

Отметим, что появляются научно-популярные издания, представляющие собой практическое руководство по ораторскому искусству, где в качестве образца эффективной коммуникации даны речи В.В. Путина [Апанасик, Огибин, 2011].

Лингвокультурология – это научное направление, рассматривающее язык как продукт и условие существования культуры. В качестве типичной работы, выполненной в русле данного направления, можно сослаться на кандидатскую диссертацию О.В. Спиридовского, в которой выявлены лингвокультурные характеристики американского, немецкого и австрийского президентского дискурса [Спиридовский, 2006].

Коммуникативная лингвистика – это научное направление, изучающее язык как средство коммуникации, орудие речевой деятельности. Лингвисты обнаруживают систему правил коммуникативного поведения человека в условиях определенной культуры и социума. Например, О.Н. Паршина исследует особенности речевого поведения российских политических лидеров, выявляет и описывает стратегии и тактики «борьбы за власть» и «удержания власти», а также языковые средства их выражения. В частности, автор выделяет следующие коммуникативные стратегии: стратегии самопрезентации, дискредитации, нападения, самозащиты, формирования эмоционального настроения адресата, а также информационно-интерпретационную, аргументативную, агитационную и манипулятивную стратегии [Паршина, 2012, с. 14].

Корпусная лингвистика, являясь разделом прикладной лингвистики, занимается разработкой общих принципов построения и использованием лингвистических корпусов. Использование цифровых технологий в процессе управления государством привело к созданию большого количества политических текстов в электронной форме, которые можно при помощи программного обеспечения изучать, составляя списки слов, выявляя лексическую плотность корпуса, анализируя конкордансы ключевого слова и пр. Например, исследование английской версии Твиттера Д.А. Медведева показало, что ресурс имеет ограничения на двух уровнях: внутреннем (лексический состав) и внешнем (необходимость высшего образования у аудитории). Так, десять самых популярных слов корпуса, а также контексты слова *we* указывают на сильную политическую ориентацию Твиттера Д.А. Медведева: *have, need, discussed, agreed, issues, summit, working, energy, global, Russia* [Иванова, 2011, с. 107].

В **психолингвистических** исследованиях, которые развиваются на стыке политической психологии и лингвистики текста, анализ выступлений главы государства осуществляется преимущественно при помощи методики ассоциативного эксперимента. Используя когнитивную интерпретацию данных свободного ассоциативного эксперимента на слова-стимулы *политик*,

президент, Медведев, М.С. Онищенко выявляет иерархические связи между этими словами в концептосфере русского политического дискурса [Онищенко, 2012].

Обзор основных направлений изучения выступлений президентов свидетельствует о соответствии исследований основным параметрам современной парадигмы науки о языке: экспансионизму, экспланаторности (Е.С. Кубрякова), антропоцентризму и неофункционализму.

Материал лингвистических исследований

Наши наблюдения показали, что президентский дискурс представляет собой сложное многомерное речевое образование, характерными чертами которого являются: 1) статусно-ролевая природа речевого поведения главы государства; 2) преобладание серьезного модуса общения и социальная обязанность следовать стилевым требованиям формальной (официальной) коммуникации; 3) президентская речь интерпретируется как политическое действие; 4) помимо сообщения и воздействия выступления президента выполняют регулятивную, познавательную функции, а также функцию конструирования общественного мнения; 5) выступления президента принадлежат системе публичных коммуникаций; 6) для выступлений политического лидера характерно сложное взаимовлияние и взаимозависимость устной и письменной формы речи; 7) преобладание речевых ситуаций подготовленного устного выступления политика; 8) президентский текст опосредован СМИ; 9) определенный тематический репертуар; 10) глава государства как субъект речевого действия обладает широкими коммуникативными возможностями; 11) ценностные предпочтения граждан во многом структурируют выступления президента.

В выступлениях президентов мы наблюдаем пересечение признаков: по форме – устная (спонтанность, необратимость, многоканальность) / письменная речь (четкая структура содержания и формальной организации, вычленение отрезков, планирование текста), по содержанию – книжный стиль (официальный характер, самостоятельность текста, тщательная предварительная подготовка) / разговорная речь (зависимость от ситуации). Элементы разговорной речи (разговорная лексика, разрыв синтаксических связей) на фоне книжного текста ощущаются как проявление личностного начала. Они несут контактоустанавливающую функцию, усиливая речевое воздействие на адресата.

Российские лингвисты изучают жанровую структуру президентского дискурса, жанровые предпочтения и новые речевые формы деятельности главы государства. Жанры президентского дискурса отражают изменения в политической жизни государства и общества, политические интересы главы государства, а также позволяют увидеть в жанрах и через жанры движение политических процессов. В 90-е годы XX в. большое влияние на становление жанровой системы президентского дискурса оказывали традиции политической риторики зарубежных стран. Б.Н. Ельцин был инициатором создания следующих жанров: радиообращение, встречи и совещания в ходе рабочих поездок по стране, послание Федеральному собранию, инаугурационная речь, интервью большому количеству журналистов.

В.В. Путин вводит в дискурсивное пространство президентской речи новые жанры: интервью в режиме реального времени в Интернете, прямая линия с различными регионами страны, прямая линия с гражданами других стран (Украина), выступление на заседании президиума Госсовета. Повышается частотность выступлений президента. В.В. Путин выступает с докладом на иностранном языке, изменяется соотношение «вступительная речь – ответы на вопросы» в пользу прямого общения с участниками встречи.

Д.А. Медведев вводит в жанровую систему тексты, связанные с интернет-общением: видеоконференции, блог и «живой журнал», микроблог. Данные жанры выполняют функцию обратной связи с социально активными гражданами страны.

Следует отметить, что информационные технологии изменяют условия восприятия политического текста. Если традиционные СМИ позволяли воспринимать текст бегло, однократно, фрагментарно, то Интернет дает возможность внимательно перечитывать (прослушивать, просматривать) выступление, что повышает требования к вербальному и невербальному поведению политика.

Наши наблюдения показали, что материалом лингвистических исследований преимущественно являются жанры, с которыми может выступать только руководитель страны: инаугурационная речь, выступление перед высшим законодательным органом, кризисная речь (объявление войны), прощальная речь.

Кроме того, большое внимание российские исследователи уделяют изучению новых для русской политической традиции жанров: послание Федеральному собранию, прямая линия с президентом, торжественная речь при вступлении в должность президента России и др.

Несмотря на возникший в последние десятилетия интерес к изучению российской президентской риторики, следует отметить преобладание материала исследования на иностранных языках (преимущественно английском, немецком и французском). Данное утверждение подтверждено проведенным нами анализом содержания научного журнала «Политическая лингвистика» за последние пять лет, с 2012 по 2016 г. В результате анализа мы обнаружили, что за указанный период 44 статьи были посвящены изучению выступлений главы государства. При этом лишь 12 статей были написаны на материале текстов российских президентов, что составляет около одной трети работ. Более половины статей (25 работ) анализировали выступления зарубежных лидеров на иностранных языках. Сопоставительный анализ речей российских и иностранных президентов был представлен в семи статьях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.